

Марио Пьюзо
Эд Фалько

СЕМЬЯ КОРЛЕОНЕ

Крестный отец

Марио Пьюзо
Семья Корлеоне

«ЭКСМО»

2012

Пьюзо М.

Семья Корлеоне / М. Пьюзо — «Эксмо», 2012 — (Крестный отец)

ISBN 978-5-699-60573-6

Этот долгожданный роман – история усиления и возвышения семьи Корлеоне, и события в нем предшествуют роману «Крестный отец». Книга обращена как к легионам фанатов знаменитой саги, так и к новому поколению читателей, которые, без сомнения, заинтересуются творчеством Марио Пьюзо. Нью-Йорк, 1933 год. Город, как и вся страна, тонет в пучине Великой депрессии. Для преступных кланов кончается время благоденствия: вскоре отменят «сухой закон», и всем им будет не ужиться в одном городе; на вершине должен остаться кто-то один. Вито Корлеоне предвидит все это и готовится к большой войне. И теперь он, как никогда, беспокоится за свою семью. Его младшие дети – Майкл, Фредо и Конни – еще ходят в школу, а старший – 17-летний Сонни – работает в автомастерской. Но он уже давно мечтает о том, чтобы присоединиться к «делу» отца и тоже стать гангстером. И начинает действовать – как всегда, горячо и необдуманно...

ISBN 978-5-699-60573-6

© Пьюзо М., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Перечень имен собственных, встречающихся в книге	5
Слова благодарности	8
Книга первая	9
Осень 1933 года	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	56
Глава 6	64
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Марио Пьюзо, Эд Фалько

Семья Корлеоне

Посвящается моему отцу и его семье, шести братьям и двум сестрам, семейству Фалько с Энсли-стрит, Бруклин, Нью-Йорк, и моей матери и ее семье, семействам Катапано и Эспозито из того же района, – все они, дети иммигрантов-итальянцев, обеспечили хорошую и достойную жизнь себе, своим семьям, своим детям и детям своих детей, среди которых есть врачи, юристы, учителя, спортсмены, художники и представители других почтенных профессий. Также хочу вспомнить добрым словом Пэта Франчезе, нашего семейного врача в сороковых и пятидесятых, который приходил к нам домой, когда мы болели, и лечил нас, нередко бесплатно или за те гроши, что мы могли ему предложить.

Позвольте выразить вам свою любовь и величайшее уважение и пожелать всего наилучшего.

Перечень имен собственных, встречающихся в книге

Клан Вито Корлеоне:

Вито Корлеоне
Дженко Аббандандо
Питер Клеменца
Джонни Ласала
Бобби Алтиери по прозвищу Толстяк
Сальваторе Тессио, Сэл
Эдди Велтри
Ричи Гагто
Кен Куизимано
Толстяк Джимми
Джимми Манчини
Эл Хэтс

Банда Сонни Корлеоне:

Сонни Корлеоне
Нико Ангелопулос
Стиви Дуайер по прозвищу Малыш
Анджело и Винни Ромеро
Бобби Коркоран, Корк

Клан Джузеппе Марипозы:

Джузеппе Марипоза по прозвищу Ретивый Джо
Томазино Чинквемани, Томми
Эмилио и Этторе Барзини

Тони и Кармине Розато
Никки Кри
Джимми Гриццео, Грицц
Вик Пьяцца
Фрэнки Пентанджели
Филипп Татталья
Кармине Ловьеро, Малыш

Банда Луки Брази:

Лука Брази
Луиджи Батталья, Хукс
Джоджо Диджорджио
Поли Аттаджио
Тони Коли
Винни Ваккарелли

Ирландцы:

Корр Гибсон
Донни, Уилли и Шон О'Рурк
Пит Мюррей
Рик и Билли Доннелли

Прочие гангстеры:

Джакомо Лаконти, Джейк
Розарио Лаконти
Винни Сьютс
Фрэнк Нитти
Энтони Страччи
Оттилио Кунео
Майк Димео
Энтони Фиренца
Этноти Бокателли
Фио Инцана
Бенни Амато
Джои Даниэлло
Кармине Ловьеро

Законопослушные и не очень граждане:

Кармелла
Майкл, Фредо и Конни
Том Хаген
Генри Хаген
Аллегра Аббандандо
Келли О'Рурк

Эйлин
Кейтлин
Анита Колумбо
Сандра
Филомена
миссис Макконнаhti
Джонни Фонтано
Нино Валенти
Хаббел
Митцнер

Названия:

Хьюз-авеню
Артур-авеню
Хестер-стрит
«Дженко пура»
Мотт-стрит

Слова благодарности

Спасибо Нилу Олсону за то, что предоставил мне возможность написать этот роман. Чем внимательнее я изучал героев и сюжеты Марио Пьюзо, тем более притягательными и неотразимыми они становились. Спасибо Тони Пьюзо и всему семейству Пьюзо за то, что поддержали выбор Нила, и самое большое спасибо самому Марио Пьюзо, который, искренне надеюсь, одобрил бы «Семейство Корлеоне». Еще при его жизни сага «Крестный отец» заняла достойное место в американской литературе. Я считаю за честь то, что мне предоставили возможность работать с таким богатым материалом.

Спасибо также Митчу Хоффману за его вдохновенную редактуру, поддержку, за его неувыдаемое хорошее настроение; спасибо Джеми Раабу, Дженнифер Романелло, Линдсей Роуз, Ли Тракосасу и всем талантливым профессионалам из издательства «Гранд сентрал». Отдельная благодарность Клоринде Гибсон, которая проверила то, как я использовал итальянский язык, и как следствие вынуждена была столкнуться со всеми теми словами, которые ей не разрешали говорить вслух, пока она росла в приличной итальянской семье.

Как всегда, я глубоко признателен своим друзьям и родным, а также всем тем замечательным писателям и художникам, с кем мне посчастливилось познакомиться и работать вместе на протяжении всех этих лет. Спасибо всем вам.

Книга первая Mostro¹

Осень 1933 года

Глава 1

Джузеппе Марипоза подбоченившись стоял у окна, уставившись на небоскреб «Эмпайр стейт билдинг». Чтобы увидеть верхушку огромного здания, остроконечную антенну, вонзившуюся в бледно-голубое небо, ему пришлось облокотиться на подоконник и прижаться лицом к стеклу. Небоскреб возводился у него на глазах, этаж за этажом, и он любил повторять ребятам, что был в числе тех, кто последними ужинал в старом «Уолдорф-Астории», роскошном отеле, который когда-то стоял там, где сейчас уходило в небо самое высокое здание на земле. Отойдя от окна, Джузеппе смахнул несуществующую пылинку со своего пиджака.

На улице внизу здоровенный мужчина в рабочей одежде восседал на тележке с мусором, лениво катящейся к перекрестку. У него на коленях лежал черный котелок, в руках он держал потертые кожаные вожжи, которыми управлял горбатой клячей, впряженной в тележку. Проводив взглядом тележку, скрывшуюся за углом, Джузеппе взял с подоконника свою шляпу, прижал ее к сердцу и посмотрел на свое отражение в стекле. Его волосы, хотя уже и седые, оставались густыми и жесткими, и он смахнул их назад ладонью. Подтянув узел галстука, Джузеппе поправил узкую полоску материи там, где она чуть смялась, скрываясь под жилетом. У него за спиной в темном углу пустой квартиры Джейк Лаконти попытался что-то сказать, но Джузеппе услышал лишь утробное бормотание. Обернувшись, он увидел Томазино, вошедшего в комнату с пакетом из плотной коричневой бумаги. Волосы Томазино, как всегда, были растрепаны, хотя Джузеппе и говорил ему сто раз, чтобы он причесывался, – и, как всегда, он был небрит. В Томазино все было неопрятно. Джузеппе смерил его презрительным взглядом, который Томазино, по обыкновению, не заметил. Галстук его был не затянут, воротник сорочки расстегнут, мятый пиджак перепачкан кровью. Из-под расстегнутого воротника выбивались пучки черных курчавых волос.

– Он так ничего и не сказал? – Достав из пакета бутылку виски, Томазино отвинтил крышку и сделал глоток.

Джузеппе взглянул на часы. Было уже половина девятого утра.

– Томми, разве по нему не видно, что он больше ничего не скажет?

Лицо Джейка распухло от побоев. Выбитая нижняя челюсть свисала к груди.

– Я не собирался ломать ему челюсть, – смущенно пробормотал Томазино.

– Дай ему выпить, – распорядился Джузеппе. – Посмотрим, вдруг это поможет.

Джейк сидел, откинувшись к стене и подобрав под себя ноги. Томми вытащил его из кровати в гостинице сегодня в шесть утра, и тот по-прежнему был в шелковой пижаме в черную и белую полоску, в которой ложился спать вчера вечером, но только теперь две верхних пуговицы были оторваны, обнажая мускулистую грудь мужчины лет тридцати, приблизительно вдвое моложе Джузеппе. Присев на корточки рядом с Джейком, Томми приподнял его голову так, чтобы можно было влить в глотку немного виски. Джузеппе с любопытством наблюдал за этим, гадая, будет ли от алкоголя какой-нибудь прок. Он отправил Томми к машине за виски

¹ Здесь и далее: см. словарь итальянских слов и выражений, встречающихся в тексте (в конце книги).

после того, как Джейк отключился. Парень закашлял, забрызгивая себе грудь кровью. Приоткрыв заплывшие глаза, он произнес три слова, которые невозможно было бы разобрать, если бы он не повторял их на протяжении всех побоев.

– Он мой отец, – выдал Джейк, хотя у него получилось что-то вроде «о мо тес».

– Да, знаем. – Томми оглянулся на Джузеппе. – Нужно отдать ему должное, – с уважением произнес он, – этот малыш предан до конца.

Джузеппе опустил на корточки рядом с Томазино.

– Джейк, – сказал он. – Джакомо, я все равно его разыщу. – Достав из кармана носовой платок, он воспользовался им, чтобы не испачкать руки в крови, и развернул парня лицом к себе. – Твой старик Розарио, – продолжал он, – его час пробил. И ты тут уже ничего не поделаешь. Розарио – его дни сочтены. Ты меня понимаешь, Джейк?

– Sì, – ответил Джакомо, и этот единственный слог прозвучал достаточно отчетливо.

– Вот и хорошо, – сказал Джузеппе. – Где он? Где скрывается этот сукин сын?

Джакомо попытался было пошевелить правой рукой, которая была сломана, и застонал от боли.

– Джейк, говори, где он! – заорал Томми. – Черт побери, в чем дело?

Джакомо попробовал открыть глаза, словно стараясь разглядеть, кто на него кричит.

– О мо тес... – прошептал он.

– Che cazzo! – вскинул руки к небу Джузеппе.

Некоторое время он смотрел на Джейка, слушал его сдавленное дыхание. С улицы донеслись громкие крики детворы, быстро затихшие вдали. Перед тем как выйти из квартиры, Джузеппе многозначительно посмотрел на Томазино. Остановившись в коридоре за дверью, он дождался приглушенного выстрела из револьвера с глушителем, похожего на удар молотком по дереву. Когда Томми присоединился к нему, Джузеппе сказал:

– Ты точно его прикончил?

Надев шляпу, он поправил ее так, как ему нравилось, опустив спереди поля.

– Джо, за кого ты меня принимаешь? – обиженно спросил Томми. – Я что, не знаю, что делаю? – Увидев, что Джузеппе не отвечает, он закатил глаза. – У него снесено полчереп. Его мозги разбрызганы по всему полу.

Когда они вышли на лестничную клетку, к одному пролету, ведущему на улицу, Джузеппе остановился и сказал:

– Он не предал своего отца. За это его можно только уважать.

– Крепкий оказался парень, – заметил Томми. – Я по-прежнему считаю, что ты должен был разрешить мне поработать с его зубами. Уверю, после такого говорить начинают все.

Джузеппе пожал плечами, признавая, что Томми, возможно, и прав.

– Остается еще и второй сын, – сказал он. – Тут есть какое-нибудь продвижение?

– Пока что нет, – признал Томми. – Быть может, он прячется вместе с Розарио.

Джузеппе еще какое-то мгновение думал о втором сыне Розарио, после чего вернулся мыслями к Джейку Лаконти и тому, что никакими побоями не удалось заставить парня предать своего отца.

– Знаешь что? – сказал он Томазино. – Позвони его матери и скажи, где его найти. – Помолчал, размышляя, и добавил: – Пусть обратится в хорошее похоронное бюро, там Джейка приведут в порядок, и можно будет устроить похороны по высшему классу.

– Джо, даже не знаю, можно ли привести Джейка в порядок, – неуверенно произнес Томми.

– Как там зовут того мастера, который так классно поработал над О'Брайаном? – спросил Джузеппе.

– Да, я понял, кого ты имеешь в виду.

– Разыщи его, – сказал Джузеппе, хлопнув Томми по груди. – Я сам всем займусь, оплачу расходы из своего кармана. Семья не должна ни о чем знать. Передай ему, пусть предложит свои услуги бесплатно, якобы он друг Джейка и все такое. Это ведь мы можем устроить, верно?

– Ну да, точно, – согласился Томми. – Это ты здорово придумал, Джо. – Он потрепал Джузеппе по плечу.

– Отлично, – сказал Джузеппе. – Пусть будет так.

И он сбежал вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, как мальчишка.

Глава 2

Сонни устроился в кабине грузовика и опустил поля мягкой фетровой шляпы. Этот грузовик принадлежал не ему, однако поблизости не было никого, кто стал бы задавать ненужные вопросы. В два часа ночи этот участок Одиннадцатой авеню оставался совершенно пустынным, если не считать редких пьянчуг, бредущих, шатаясь, по широкому тротуару. Где-то должен был дежурить полицейский, но Сонни рассудил, что тот наверняка дрыхнет, вытянувшись на сиденье у себя в машине. Однако даже если бы полицейский его заметил, что было крайне маловероятно, он притворился бы пьяницей, отсыпавшим хмель после бурного субботнего вечера, – что было бы не так уж далеко от истины, поскольку Сонни действительно выпил много. Однако он не был пьян. Он отличался крупными габаритами, в свои семнадцать уже шести футов росту, крепкий, широкоплечий, и алкоголь брал его с трудом. Сонни опустил боковое стекло, впуская в кабину холодный осенний ветер со стороны Гудзона, чтобы не заснуть. Он устал, и как только уютно устроился за большим рулевым колесом грузовика, его стала одолевать дремота.

Час назад Сонни был вместе с Корком и Нико в заведении Джука в Гарлеме. Еще за час до того Сонни был в одном подпольном баре в центре, где они на двоих с Корком проиграли в покер больше сотни долларов шайке поляков из Гринпойнта. Все расхотались, когда Корк заявил, что им с Сонни нужно убираться отсюда, пока у них еще остались рубашки на теле. Сонни тоже рассмеялся, хотя за мгновение до того он уже был готов назвать одного верзилу-поляка мошенником и проходимцем. Но Корк умел читать настроение своего приятеля, и ему удалось увести его оттуда до того, как Сонни совершил какую-нибудь глупость. До Джука Сонни добрался если и не пьяный, то близкий к тому. После танцев и опять выпивки он уже решил, что на сегодня с него хватит, и собрался отправиться домой, но тут какой-то приятель Корка остановил его в дверях и рассказал про Тома. Сонни готов был врезать шенку в морду, но вовремя остановился и вместо этого сунул ему несколько долларов. Парень назвал ему адрес, и вот теперь Сонни торчал в кабине этого древнего грузовика, судя по виду, оставшегося со времен Великой войны, и смотрел на игру теней на занавесках в комнате Келли О'Рурк.

Там, в комнате, Том как раз начал одеваться, а Келли расхаживала взад и вперед, прикрывшись простыней, поддерживая ее одной рукой под грудью. Простыня волочилась сзади по полу. Келли была бесстыжей девчонкой с выразительным красивым лицом – гладкая кожа, алые губы, голубовато-зеленые глаза, обрамление огненно-рыжих волос, – и было также что-то выразительное в том, как она двигалась по комнате, словно разыгрывая сцену из фильма, а Том выступал в качестве ее партнера, Кэри Гранта или Рэндольфа Скотта².

– Но почему ты должен уходить? – в который уже раз спросила Келли. Свободную руку она прижимала ко лбу, словно измеряя сама себе температуру. – На дворе ночь, Том. Ну почему ты хочешь сбежать от девушки?

² Кэри Грант (наст. имя Александр Арчибальд Лич; 1904–1986) – американский киноактер, самый романтичный из голливудских супергероев, символ американского кинематографа 30–50-х годов. Скотт, Рэндольф (1898–1987) – известный американский киноактер. (Здесь и далее прим. переводчика.)

Том натянул майку. Кровать, с которой он только что встал, была скорее койкой, а пол был завален иллюстрированными журналами. Прямо из-под ног Тома ему соблазнительно строила глазки Глория Суонсон³ с обложки прошлогоднего номера «Нового кино».

– Куколка, – сказал Том.

– Не называй меня куколкой, – отрезала Келли. – Все называют меня куколкой. – Прислонившись к стене у окна, она выронила простыню и приняла картинную позу, выставив бедро. – Том, ну почему ты не хочешь остаться у меня? Ты ведь мужчина, разве не так?

Надев рубашку, Том начал ее застегивать, не отрывая взгляда от Келли. В ее глазах было что-то наэлектризованное и встревоженное, граничащее с испугом, словно она ждала, будто в любой момент начнется нечто удивительное.

– Возможно, ты самая красивая девушка из всех, кого я только видел, – сказал Том.

– У тебя были девушки красивее, чем я?

– У меня никогда не было никого красивее тебя, – решительно заявил Том. – Честное слово.

Тревога исчезла из глаз Келли.

– Том, останься со мной на ночь, – сказала она. – Не уходи.

Том присел на край ее кровати, подумал немного, затем надел ботинки.

Сонни смотрел на отблеск света чугунного фонаря от двух параллельных полос железнодорожных рельсов, разделяющих авеню пополам. Положив руку на черный бильярдный шар, навинченный на рычаг переключения передач, он вспоминал, как маленьким мальчишкой сидел на тротуаре и смотрел, как товарные составы с грохотом катятся по Одиннадцатой авеню, а конный полицейский едет впереди, разгоняя с путей пьяных и ребятишек. Однажды он увидел мужчину в чудном костюме, стоящего на грузовой платформе. Сонни помахал ему рукой, а мужчина скорчил рожу и сплюнул, словно вид мальчугана вызвал у него отвращение. Когда Сонни спросил у матери, почему мужчина так поступил, та всплеснула руками и воскликнула:

– Sta'zitt! Какой-то сафон' плюет на тротуар, и ты спрашиваешь у меня, в чем дело? Madon'!

После чего мать в гневе удалилась. Так она отвечала на большинство вопросов, которые ей задавал маленький Сонни. Ему казалось, что каждая ее фраза начинается со «Sta'zitt!», «V'a Napoli!» или «Madon'!». У себя дома он был «паразитом», «занудой» или «scuss'», поэтому он по возможности проводил все время на улице, в обществе других детей.

Вот и сейчас, находясь в Адской Кухне⁴ и видя перед собой вереницу магазинчиков и лавок, увенчанных двумя-тремя жилыми этажами, Сонни чувствовал, будто вернулся в детство, в те годы, когда его отец каждое утро вставал ни свет ни заря и ехал в центр на Хестер-стрит, в свою контору на складе, где он работал и по сей день. Однако теперь, разумеется, когда Сонни вырос, все изменилось – то, что он думал о своем отце и о том, чем тот зарабатывал на жизнь. Но тогда отец был для него бизнесменом, владевшим вместе с Дженко Аббандандо компанией по продаже оливкового масла «Дженко пура». В те дни, увидев отца на улице, Сонни бросался к нему бегом, хватал за руку и торопливо выпаливал все свои детские мысли. Сонни замечал, как смотрят на его отца другие люди, и гордился этим, потому что отец был большой шишкой, владел собственным делом, и все – *все* относились к нему с уважением, поэтому Сонни еще с малых лет привык смотреть на себя как на принца. Сына большой шишки. Ему было одиннадцать лет, когда все это изменилось, или, наверное, лучше сказать, сместилось, поскольку он по-прежнему считал себя принцем, хотя теперь, разумеется, принцем уже совершенно в другом смысле.

³ Суонсон, Глория (1899–1983) – американская актриса, звезда немого кино.

⁴ Район Манхэттена, традиционно населенный выходцами из Ирландии и Германии и до 1980-х годов печально известный своим высоким уровнем преступности.

На противоположной стороне улицы в квартире Келли О'Рурк, над парикмахерской, за знакомыми черными кружевами пожарных лестниц чья-то тень скользнула по занавескам, чуть раздвинув их, и Сонни успел разглядеть полоску яркого света, мелькнувшую бело-розовую кожу и копну рыжих волос. И вдруг ему показалось, что он одновременно находится в двух разных местах: семнадцатилетний Сонни смотрит на зашторенное окно квартиры Келли О'Рурк на втором этаже, и в то же самое время одиннадцатилетний Сонни, забравшись на пожарную лестницу, заглядывает в служебное помещение бара «Мерфи». Воспоминания о той ночи в «Мерфи» местами были очень живыми. Было еще не очень поздно, девять вечера, самое большее – половина десятого. Сонни уже лег в кровать, но тут услышал, как отец и мать о чем-то разговаривают друг с другом. Негромко – мама никогда не повышала голос, разговаривая с папой, – и слов Сонни разобрать не мог, однако ее тон прозвучал для ребенка безошибочно; этот тон красноречиво говорил, что мать чем-то озабочена или встревожена. Затем отворилась и закрылась дверь, после чего послышались шаги отца на лестнице. В те времена еще никто не дежурил у входной двери, никто не ждал на улице в большом «паккарде» или черном восьмицилиндровом «Эссексе», готовый отвезти папу туда, куда он только пожелает. В тот вечер Сонни увидел из окна, как отец вышел за дверь, спустился с крыльца и направился к Одиннадцатой авеню. К тому времени как Сонни оделся и сбежал по пожарной лестнице, отец уже завернул за угол и скрылся из виду.

Сонни обнаружил отца в нескольких кварталах впереди себя и только тут задался вопросом, что он делает. Если отец его увидит, он хорошенько его выдерет, а почему бы и нет? Он бегал по улицам, в то время как должен был спать у себя в постели. Испугавшись, Сонни замедлил шаг и даже собрался было развернуться и поспешить назад – однако любопытство взяло верх, и он, натянув шерстяную шапку чуть ли не до переносицы, продолжил следить за отцом, стараясь держаться в тени, отпустив его вперед на целый квартал. Когда они добрались до квартала, где жили ирландцы, беспокойство Сонни резко возросло. Ему запрещалось играть в этом районе, да он и сам бы туда не пошел, даже если бы ему и разрешили, поскольку знал, что мальчишек-итальянцев, заходивших сюда, жестоко били, и он слышал рассказы о ребятах, которые, случайно забредя в ирландский квартал, бесследно исчезали и объявлялись только через несколько недель плавающими в Гудзоне. В квартале впереди отец шел быстро и уверенно, сунув руки в карманы и подняв воротник пиджака, защищаясь от пронизывающего ветра, дующего со стороны реки. Сонни следовал за ним, пока они не оказались у самых причалов, и там отец остановился перед вывеской «Гриль-бар Мерфи». Нырнув в подворотню, Сонни стал ждать. Когда его отец входил в бар, на улицу выплеснулись звуки песен и смеха, тотчас же затихшие, как только дверь закрылась снова, хотя Сонни по-прежнему слышал их, только уже приглушенные. Он пересек улицу, держась в тени, от одной подворотни к другой; наконец оказался прямо напротив «Мерфи» и в узкое окно увидел темные силуэты мужчин, сидящих у барной стойки.

Поскольку отца не было видно, Сонни подкрался к окну, присел на корточки и стал ждать, но всего через какое-то мгновение он снова пришел в движение, метнувшись через вымощенную булыжником улицу в заваленный мусором переулок. Сонни сам не мог сказать, о чем думал тогда, помимо того, что там может быть черный вход, и он, возможно, что-нибудь там увидит, – и действительно, завернув за «Мерфи», Сонни обнаружил закрытую дверь, а над нею занавешенное окно, из которого на улицу пробивался желтоватый свет. Он ничего не смог рассмотреть в окно, поэтому забрался на большой железный мусорный бак на противоположной стороне переулочка, а оттуда запрыгнул на последнюю ступень пожарной лестницы. Еще через мгновение Сонни уже лежал на животе и заглядывал в щель над занавеской в служебное помещение бара «Мерфи». Помещение было заставлено деревянными ящиками и картонными коробками, а отец Сонни, засунув руки в карманы, спокойно обращался к мужчине, привязанному к стулу с высокой спинкой. Сонни узнал сидящего на стуле мужчину. Он встречал его

в районе, вместе с женой и детьми. Рук мужчины не было видно за спинкой стула, и Сонни предположил, что они связаны. Бельевая веревка, обмотанная вокруг груди, туго впивалась в помятый желтый пиджак. Из разбитой губы сочилась кровь, голова безвольно поникла набок, и мужчина мог сойти за пьяного или за спящего. Перед ним на ящике сидел с хмурым лицом дядя Сонни Питер, а другой его дядя, Сэл, стоял, угрюмо скрестив руки на груди. То, что дядя Сэл был угрюмый, ровным счетом ничего не значило, потому что у него всегда был такой вид, но вот хмурое лицо дяди Питера – это уже было что-то другое. За всю свою жизнь Сонни видел его только улыбающимся, готовым рассказать какую-нибудь смешную историю. Он зачарованно наблюдал со своего высокого наместа своих отца и дядьев, в складском помещении бара, вместе с человеком из их района, привязанным к стулу. Сонни представить себе не мог, что там происходит. Затем его отец присел на корточки и положил руку на колено связанному мужчине, и тот плюнул ему в лицо.

Вито Корлеоне достал из кармана платок и тщательно вытер лицо. У него за спиной Питер Клеменца поднял с пола гвоздодер и сказал:

– Ну, все! Этому подонку конец!

Вито поднял руку, приказывая тому подождать.

Клеменца побагровел.

– Вито! – воскликнул он. – V'fancul'! Мы только напрасно тратим время на этого тупого ирландца!

Посмотрев на связанного окровавленного мужчину, Вито поднял взгляд на окно, словно зная, что Сонни устроился на пожарной лестнице и подсматривает за ним, – однако на самом деле он ничего не знал. Он даже не видел окно и убогую занавеску на нем. Все его мысли были поглощены мужчиной, который только что плюнул ему в лицо, Клеменцей, пристально следившим за ним, и Тессио у него за спиной. Оба пристально следили за ним. Склад был ярко освещен голой лампочкой, свисающей с потолка прямо над головой Клеменцы. Из-за запертой на засов двери из зала доносились пение и смех. Повернувшись к связанному мужчине, Вито сказал:

– Генри, ты вел себя неразумно. Мне пришлось просить Клеменцу, чтобы он сделал одолжение и не сломал тебе ноги.

Прежде чем Вито успел сказать что-либо еще, Генри его перебил:

– Я ничего не должен вам, макаронникам! Долбаные итальяшки! – Даже несмотря на то, что он был пьяным, его голос прозвучал отчетливо, с той певучей мелодичностью, которой отличается речь ирландцев. – Вы все можете убираться восвояси на свою гребанную Сицилию и трахать своих долбанных сицилийских мамаш!

Клеменца отступил назад, не столько разъяренный, сколько удивленный.

– Вито, этот сукин сын безнадежен, – угрюмо произнес Тессио.

Клеменца снова взял гвоздодер, и снова Вито поднял руку. На этот раз Клеменца гневно сплюнул и, подняв лицо к потолку, издал длинное сочное итальянское ругательство. Вито подождал, пока он закончит, затем подождал еще, пока наконец Клеменца не посмотрел на него. Молча выдержав его взгляд, он повернулся к Генри.

Сонни, лежавший на пожарной лестнице, крепко обхватил себя руками, защищаясь от холода. Ветер усилился, угрожая принести дождь. Со стороны реки донесся долгий низкий рев корабельной сирены, разлившийся по улицам. Отец Сонни не отличался высоким ростом, но при этом обладал крепким телосложением. Годы работы грузчиком на железнодорожном складе оставили ему мускулистые руки и широкие плечи. Порой он вечером присаживался на край кровати сына и рассказывал о тех днях, когда он загружал и разгружал вагоны. Только сумасшедший мог плюнуть ему в лицо. У Сонни не было другого объяснения этому вопиющему поступку. Сидящий на стуле мужчина сошел с ума. Эта мысль несколько успокоила Сонни. Сперва ему было страшно, поскольку он не знал, как относиться к происходящему, но

затем он увидел, как его отец снова присел на корточки и обратился к связанному мужчине, и он увидел такого отца, которого хорошо знал – спокойного, рассудительного, каким тот бывал, когда серьезно разговаривал с Сонни о чем-то важном. Мальчишке стало легче от мысли, что этот связанный незнакомец сумасшедший, а отец пытается его урезонить. Он проникся уверенностью, что мужчина вот-вот кивнет, и тогда отец его развяжет, и все недоразумения будут улажены, поскольку именно для этого, несомненно, его и позвали, чтобы он решил проблему, все уладил. Всем в районе было известно, что Вито Корлеоне умеет решать любые проблемы. Это было известно всем. Сонни наблюдал за зрелищем, которое разворачивалось перед ним, ожидая, когда же его отец все уладит. Однако вместо этого мужчина начал яростно дергаться на стуле, стараясь развязать веревки. Он был похож на животное, которое силится освободиться от пут; затем он выкрутил голову вбок и опять плюнул в отца Сонни; слюна была смешана с кровью, поэтому показалось, будто он каким-то образом нанес ему рану. Однако это была его собственная кровь. Сонни видел, как кровавая харкотина вылетела изо рта связанного мужчины, видел, как она попала отцу в лицо.

То, что произошло дальше, стало последним, что Сонни помнил о событиях той ночи. Это было одним из тех воспоминаний, обычных для детских лет, которые сначала кажутся странными и таинственными, но с годами проясняются благодаря жизненному опыту. В тот момент Сонни был сбит с толку. Его отец встал и вытер лицо, посмотрел на связанного мужчину, затем развернулся к нему спиной и отошел, но всего на несколько шагов, к двери, и застыл там, совершенно неподвижно, в то время как дядя Сэл достал из кармана, подумать только, наволочку. Из всех троих дядя Сэл был самый высокий, но он сильно сутулился, его длинные руки болтались по сторонам, и он не знал, что с ними делать. «Наволочка». Сонни произнес это слово вслух, шепотом. Дядя Сэл обошел стул сзади и накинул наволочку мужчине на голову. Дядя Питер поднял гвоздодер и взмахнул им... и дальше все в сознании Сонни слилось в одно размазанное пятно. Некоторые моменты он запомнил отчетливо: дядя Сэл натягивает белую наволочку мужчине на голову, дядя Питер взмахивает гвоздодером, белая наволочка становится ярко-красной, дядья склоняются над связанным мужчиной и берутся за веревками. Кроме этого, он больше абсолютно ничего не помнил. Наверное, он как-то добрался назад до своего дома. Наверное, он лег в постель. Однако ничего этого Сонни не помнил, совершенно ничего. Все, что было до наволочки, отчетливо запечатлелось у него в сознании, затем следовал туман, до тех пор пока воспоминания не исчезали полностью.

Долго-долго Сонни не понимал, свидетелем чего ему довелось стать. Потребовалось несколько лет, чтобы сложить детали воедино...

На противоположной стороне Одиннадцатой авеню в окне над парикмахерской занавески затрепетали, затем раздвинулись, и показалась Келли О'Рурк, смотрящая вниз на улицу, – волшебное зрелище, молодое женское тело, залитое светом уличного фонаря, окруженное черными пожарными лестницами, красными кирпичными стенами и черными окнами.

Уставившись в темноту, Келли потрогала свой живот, как непроизвольно делала на протяжении последних нескольких недель, стараясь почувствовать хоть какой-нибудь трепет новой жизни, которая, как было ей известно, уже пустила там корни. Ее родители и братья уже давно отвернулись от нее, за исключением, быть может, Шона, так что какое ей было дело до того, что они о ней думали? В клубе Келли проглотила одну большую голубую таблетку, отчего ей стало легко и беззаботно. Теперь она никак не могла собраться с мыслями. Перед ней были лишь непроницаемый мрак и ее собственное отражение в оконном стекле. Было уже очень поздно, и все постоянно бросали ее одну. Келли положила ладонь на живот, пытаясь почувствовать хоть что-нибудь. Однако сколько она ни старалась, ей никак не удавалось собрать свои мечущиеся мысли, обуздать, утихомирить их.

Отстранив Келли от окна, Том задернул занавески.

– Успокойся, милашка, – сказал он. – Зачем ты это делаешь?

– Что? – спросила Келли.

– Вот так вот стоишь перед окном.

– А что? Ты боишься, Том, что кто-нибудь увидит тебя вместе со мной?

Положив было руку на бедро, Келли рассеянно уронила ее и снова принялась расхаживать по комнате, глядя то на пол, то на стены. Казалось, она не замечала Тома; мысли ее были где-то в другом месте.

– Келли, послушай, – сказал Том. – Я проучился в колледже всего несколько недель, и если я не вернусь...

– О, только не хнычь, – перебила его Келли. – Ради всего святого.

– Я не хнычу, – обиделся Том. – Я просто хочу объяснить...

Келли остановилась.

– Знаю, – сказала она. – Ты еще ребенок. Я знала это, когда тебя подобрала. Кстати, сколько тебе лет? Восемнадцать? Девятнадцать?

– Восемнадцать, – сказал Том. – Я только хочу сказать, что мне нужно вернуться в общежитие. Если меня не будет там завтра утром, это заметят.

Подергав себя за ухо, Келли уставилась на Тома. Оба молчали, не сводя глаз друг с друга. Том гадал, что видит перед собой Келли. Он гадал об этом с тех самых пор, как она скужающей походкой приблизилась к его столику в баре Джука и пригласила его на танец таким томным голосом, словно приглашала его в постель. Та же самая мысль мелькнула у него в голове, когда после нескольких танцев и одного коктейля она попросила его проводить ее домой. Они почти ни о чем не говорили. Том рассказал, что недавно поступил в Нью-Йоркский университет. Келли рассказала, что временно осталась без работы, что она из большой семьи, но не ладит с родственниками. Ей хотелось бы сниматься в кино. На ней было длинное синее платье, которое обтягивало ее тело от щиколоток до груди, с глубоким вырезом, обнажающим белизну ее кожи, резко контрастирующую с атласной тканью. Том сказал, что машины у него нет, что он здесь со своими друзьями. Келли ответила, что в этом нет ничего страшного, машина есть у нее, и он не стал у нее спрашивать, как у безработной девушки из большой семьи может быть машина. Том предположил, что, быть может, это не ее машина, а затем, когда Келли отвезла его на Одиннадцатую авеню, он не стал открывать ей, что сам родился и вырос в трущобах в нескольких кварталах отсюда. Увидев ее квартиру, Том понял, что машина чужая, однако у него не было времени задавать вопросы, так как они сразу же оказались в постели, после чего мысли его были уже заняты другим. События развивались стремительно, и в каком-то смысле это было для Тома непривычным, и вот теперь он лихорадочно думал, глядя на Келли. Ее поведение менялось ежесекундно: сначала соблазнительница, затем беззащитная девочка, не желающая, чтобы он уходил, и вот теперь в ней начинало проявляться что-то твердое, гневное. Келли смотрела на него, и у нее все напрягались подбородок, поджимались губы. У Тома внутри тоже что-то переворачивалось. Он готовился к тому, что может сказать или сделать Келли, готовился к спору, заготавливал ответ.

– Так все-таки, кто ты такой? – спросила Келли. Отступив к столику рядом с белой фарфоровой раковиной, она облокотилась на него и скрестила ноги. – Ирландско-итальянская помесь?

Том взял со спинки кровати свой свитер. Накинув его на плечи, он завязал рукава на шее.

– Я ирландский немец, – сказал он. – С чего ты взяла, что во мне есть что-то итальянское?

Взяв со столика пачку «Уингс», Келли вытряхнула одну сигарету и закурила.

– Потому что я знаю, кто ты такой, – сказала она. Она театрально помолчала, словно играя роль. – Ты Том Хаген. Приемный сын Вито Корлеоне.

Она сделала глубокую затяжку. За пеленой дыма ее глаза сверкнули загадочным блеском счастья и ярости.

Том огляделся вокруг, внимательно отмечая то, что увидел, – а увидел он лишь дешевую меблированную комнату, даже не квартиру, с раковиной и буфетом у двери в одном углу и кровать, больше похожую на койку, в другом. Пол был завален журналами, пивными бутылками, одеждой, фантиками от леденцов и пустыми пачками из-под «Уингс» и «Честерфилда». Одежда для данной обстановки была чересчур дорогой. В одном углу Том заметил шелковую блузку, которая стоила больше, чем месячная плата за квартиру.

– Я не приемный сын, – сказал он. – Да, я вырос в семье Корлеоне, но никто меня не усыновлял.

– Без разницы, – сказала Келли. – Так кем же ты у нас получаешься? Ирландцем, макаронником или макаронно-ирландской помесью?

Том присел на край кровати. Теперь они с Келли вели разговор. Причем по-деловому серьезный.

– Итак, ты выбрала меня, поскольку тебе было кое-что известно о моей семье, так?

– А ты что подумал, малыш? Что все дело в твоей физиономии? – Келли стряхнула пепел в раковину и открыла воду, смывая его.

– Какое отношение может иметь ко всему этому моя семья? – спросил Том.

– К чему «к этому»? – удивилась Келли, с искренней улыбкой на лице, словно она действительно наслаждалась происходящим.

– К тому, что я проводил тебя домой и трахнул, – сказал Том.

– Малыш, ты меня не трахал. Это я тебя трахнула. – Она умолкла, по-прежнему усмехаясь, внимательно наблюдая за ним.

Том пнул ногой пачку «Честерфилда».

– А это кто курит?

– Я.

– Ты куришь и «Уингс», и «Честерфилд»?

– «Уингс» – когда развлекаюсь с мальчиками. А так – «Честерфилд». – Поскольку Том сразу ничего не ответил, Келли добавила: – Но уже теплее. Продолжай.

– Ладно, – сказал Том. – Итак, на чьей машине ты приехала сюда? Она не твоя. Тот, у кого есть машина, не живет в такой конуре.

– Отлично, малыш, – похвалила она. – Теперь ты задаешь правильные вопросы.

– И кто покупает тебе эти классные шмотки?

– В самую точку! – воскликнула Келли. – Ты совершенно прав. Одежду мне покупает любовник. Это его машина.

– Ты должна ему сказать, чтобы он подыскал тебе жилье получше. – Том обвел комнату взглядом, словно поражаясь ее убогости.

– Знаю! – Вслед за Томом она оглядела свою комнату, казалось, разделяя его удивление. – Тебе нравится эта дыра? Вот где я должна жить!

– Ты должна поговорить с ним, – сказал Том, – с этим своим любовником.

Казалось, Келли его не услышала. Она продолжала осматривать комнату, словно видела ее впервые в жизни.

– Наверное, он меня ненавидит, да? – спросила она. – Раз заставляет жить в такой дыре?

– Ты должна с ним поговорить, – повторил Том.

– Убирайся, – приказала Келли. Спрыгнув со столика, она обмоталась простыней. – Уходи. Я устала играть с тобой.

Том направился к двери, где повесил на крючок свою шляпу.

– Я слышала, твоя семья стоит миллионы, – сказала Келли, обращаясь к его спине. – Вито Корлеоне и его банда.

Нахлобучив шляпу на затылок, Том расправил поля.

– В чем дело, Келли? Почему ты просто не выложишь все начистоту?

Келли помахала сигаретой, предлагая ему уйти.

– Уходи, сейчас же, – сказала она. – До свидания, Том Хаген.

Вежливо попрощавшись, Том вышел в коридор, однако не успел он сделать и несколько шагов, как дверь распахнулась и Келли шагнула следом за ним, кутаясь в простыню.

– Ты не такой уж и крутой парень, – сказала она, – как и вы все, Корлеоне.

Том прикоснулся к полям шляпы, поправляя ее. Он смерил взглядом Келли, дерзко застывшую на пороге своей комнаты.

– Едва ли меня можно считать истинным представителем своей семьи.

– Ха! – презрительно бросила Келли. Она провела пальцами по своим волнистым волосам, кажется, озадаченная ответом Тома, после чего скрылась у себя в комнате, не потрудившись плотно закрыть дверь.

Сдвинув шляпу на лоб, Том спустился по лестнице и вышел на улицу.

Как только он появился на крыльце, Сонни выскочил из машины и бросился к нему через улицу. Том взялся было за дверь, словно намереваясь юркнуть обратно в подъезд, но Сонни подбежал к нему, обвил рукой за плечо и рывком толкнул на тротуар, увлекая за угол.

– Эй, idiot! – сказал Сонни. – Ты скажи мне одну вещь, приятель, хорошо? Ты нарочно делаешь все так, чтобы тебя пришили, или ты просто stronz'? Ты хоть знаешь, с чьей девчонкой только что закатил номер? Ты знаешь, где находишься?

Его голос становился все громче с каждой фразой, затем он снова толкнул Тома в переулочек. Ему пришлось сжать кулак и стиснуть зубы, чтобы не швырнуть Тома в стену.

– Ты понятия не имеешь, в какое дерьмо вляпался, да? – Сонни угрожающе надвинулся на Тома, словно собираясь наброситься на него. – И вообще, что ты делаешь с какой-то ирландской шлюхой? – Вскинув руки вверх, он описал маленький круг, подняв лицо к небу, будто взывая к богам, и крикнул: – Cazzo! Мне следовало бы пнуть тебя по заднице и сбросить в сточную канаву!

– Сонни, – сказал Том, – пожалуйста, успокойся. – Разгладив рубашку, он поправил свитер, перекинутый за спину.

– Ты говоришь мне успокоиться? – бушевал Сонни. – Позволь спросить еще раз: ты знаешь, чью девчонку только что трахнул?

– Нет, не знаю, – сказал Тони. – И чью же девчонку я только что трахнул?

– Ты не знаешь, – сказал Сонни.

– Понятия не имею, Сонни. Почему бы тебе меня не просветить?

Сонни недоуменно уставился на Тома, затем, как это нередко с ним бывало, его гнев бесследно испарился. Он рассмеялся.

– Это телка Луки Брази, идиот. И ты не знаешь!

– Я понятия не имел, – сказал Том. – А кто такой Лука Брази?

– Кто такой Лука Брази, – повторил Сонни. – Тебе лучше не знать, кто такой Лука Брази. Лука вырвет тебе руку и забьет тебя до смерти обрубком только за то, что ты на него косо посмотрел. Я знаю очень крутых ребят, которые до смерти боятся Луку Брази. А ты только что отколол номер с его девчонкой!

Том принял информацию спокойно, словно оценивая ее возможные последствия.

– Ну хорошо, – сказал он, – итак, теперь твой черед ответить на вопрос. Какого черта ты здесь делаешь?

– Пошли сюда! – сказал Сонни. Обхватив Тома удушающими объятиями, он отодвинулся от него, чтобы лучше видеть. – И как она? – Он махнул рукой. – Madon'! Она просто конфетка!

Том высвободился из объятий брата. По улице тощая чалая лошадка тащила вдоль железнодорожных путей тележку со свежим хлебом. Жирный возница бросил на Тома скучающий взгляд, и тот прикоснулся к шляпе, прежде чем повернуться к Сонни.

– А почему ты одет так, словно только что провел вечер с Голландцем Шульцем⁵? – Том прикоснулся к лацкану двубортного пиджака Сонни и потрогал дорогую ткань жилета. – Откуда у парня, работающего в гараже, такой костюм?

– Послушай, – остановил его Сонни, – здесь вопросы задаю я. – Снова обхватив Тома за плечо, он увлек его обратно на улицу. – Seriously, Томми, ты хоть представляешь, в какие неприятности ты мог впутаться?

– Я не знал, что она подружка Луки Брази, – сказал Том. – Она мне ничего не сказала. – Он указал на улицу. – Куда мы идем? Обратно на Десятую авеню?

– Зачем ты торчал у Джука? – спросил Сонни.

– Откуда ты узнал, что я был у Джука?

– Потому что я побывал там после тебя.

– Ну, а ты зачем торчал у Джука?

– Заткнись, пока я тебе не врезал! – Сонни пожал Тому плечо, показывая, что на самом деле он на него вовсе не злится. – Это не я поступил в колледж и должен грызть учебники.

– Сегодня суббота, – напомнил Том.

– Уже нет, – поправил Сонни. – Сейчас уже утро воскресенья. Господи, – добавил он, словно только что сам вспомнив, как же сейчас поздно. – Будь я проклят!

Том сбросил с плеча руку Сонни; сняв шляпу, пригладил волосы и снова надел шляпу, низко надвинув ее на лоб. В мыслях он вернулся к Келли, которая расхаживала по крохотной комнате, таская за собой простыню, словно сознавая, что ей следует прикрыться, но в то же время не находя для этого сил. От нее исходил аромат, который Том не мог описать. Он поджал верхнюю губу, что делал, когда напряженно размышлял, и понюхал свои пальцы, наслаждаясь запахом Келли. Это был сложный запах, терпкий, естественный. Том был ошеломлен тем, что с ним произошло. Казалось, это была чья-то чужая жизнь. Больше подходящей такому человеку, как Сонни. По Одиннадцатой авеню прогрехотала машина, следом за гужевой повозкой. Машина притормозила, водитель быстро оглянулся на тротуар, затем обогнал повозку и устремился вперед.

– Куда мы идем? – спросил Том. – Для прогулки уже поздно.

– У меня есть машина, – сказал Сонни.

– У тебя есть машина?

– Машина из гаража. Мне разрешают ее брать.

– Черт побери, где ты ее оставил?

– Еще несколько кварталов.

– Почему ты оставил машину там, если знал, что я...

– Che cazzo! – Сонни развел руками, показывая, что поражается наивностью брата. – Потому что это территория Луки Брази, – сказал он. – Луки Брази, семейства О’Рурков и банды сумасшедших ирландцев.

– А тебе-то что до этого? – спросил Том. Остановившись перед Сонни, он развернулся к нему. – Какое дело парню, работающему в гараже, чья это территория?

Сонни отстранил Тома с дороги. В этом движении не было ничего вежливого, однако Сонни улыбался.

– В этих краях опасно, – сказал он. – Я не такой бесшабашный, как ты.

Как только эти слова сорвались с его уст, он рассмеялся, словно только что себя удивил.

– Ну хорошо, смотри, – сказал Том, снова двигаясь вперед. – Я отправился к Джуку со знакомыми ребятами из общаги. Мы собирались потанцевать, немного выпить и вернуться

⁵ Артур Флегенхаймер по прозвищу Голландец Шульц (1902–1935) – знаменитый нью-йоркский гангстер времен «сухого закона».

назад. И тут эта куколка приглашает меня на танец, и прежде чем я успеваю опомниться, я уже лежу с ней в кровати. Я не знал, что она подружка Луки Брази. Клянусь.

– Madon’! – Сонни указал на черный «Паккард», стоящий под фонарем. – Вот моя машина.

– Ты хочешь сказать, машина из гаража.

– Верно, – согласился Сонни. – Заткнись и забирайся в нее.

Усевшись в машину, Том закинул руки на спинку сиденья. Сонни снял шляпу, положил ее на сиденье рядом с собой и достал из кармана жилета ключи. Как только двигатель заработал, затрясся длинный рычаг переключения передач, торчащий из пола. Сонни достал из кармана пиджака пачку «Лаки страйк», прикурил и положил сигарету в пепельницу, встроенную в полированное дерево приборной панели. Струйка дыма поднялась к ветровому стеклу. Открыв бардачок, Том нашел там пачку «Троянс».

– И тебе разрешают брать такую машину в субботу вечером? – спросил он у Сонни.

Ничего не ответив, тот выехал на авеню.

Несмотря на усталость, Тому совершенно не хотелось спать, и он рассудил, что ему еще нескоро удастся добраться до кровати. Мимо мелькали улицы. Сонни направлялся в центр.

– Ты везешь меня в общагу? – спросил Том.

– К себе домой, – ответил Сонни. – Останешься на ночь у меня. – Он посмотрел на Тома. – Ты хорошенько обо всем подумал? – спросил он. – У тебя есть какие-нибудь мысли насчет того, что ты будешь делать?

– Ты хочешь сказать, если этот тип Брази все узнает?

– Да, – подтвердил Сонни. – Именно это я и имел в виду.

Том уставился на пробегающие за окном улицы. Мимо тянулись жилые дома, ряды темных окон над пятнами света фонарей.

– Откуда он может узнать? – наконец сказал Том. – Келли ему ничего не скажет. – Он покачал головой, словно отрицая возможность того, что Лука Брази узнает правду. – По-моему, у нее не все дома. Весь вечер она вела себя как чокнутая.

– Понимаешь, Том, тут дело не в тебе, – сказал Сонни. – Лука узнает правду и тебя прикончит. Тогда папа прикончит его. Начнется самая настоящая война. И все только из-за того, что ты не сумел держать свою ширинку застегнутой.

– О, ну пожалуйста! – воскликнул Том. – Ты еще будешь читать мне лекции о том, чтобы держать ширинку застегнутой!

Сонни сбил шляпу у него с головы.

– Келли ему ничего не скажет, – уверенно заявил Том. – Можно не опасаться никаких осложнений.

– *Осложнений!* – передразнил Сонни. – А ты откуда знаешь? Почему ты думаешь, что ей не вздумалось заставить Луку поревновать? Ты об этом не думал? Быть может, она хочет заставить его поревновать.

– Но это же полное безумие, ты не согласен?

– Да, – согласился Сонни, – но ты ведь сам только что говорил, что она чокнутая. К тому же она баба, а бабы все тронутые. Особенно ирландки. Все они помешанные.

Том задумчиво помолчал, затем заговорил так, словно для себя решил этот вопрос:

– Я не думаю, что Келли ему скажет. Но если она ему скажет, мне не останется ничего другого, кроме как обратиться к папе.

– Какая разница, убьет тебя Лука или папа?

– А что мне еще остается делать? – сказал Том. Помолчав, он добавил, высказывая вслух только что осенившую его мысль: – Быть может, мне следует обзавестись пистолетом?

– И что дальше? Ты отстрелишь себе ногу?

– А у тебя есть какие-нибудь мысли?

– Никаких, – усмехнулся Сонни. – Хотя было приятно познакомиться с тобой, Том. Ты был мне хорошим братом. – Откинувшись назад, он заполнил машину своим хохотом.

– Очень смешно, – обиженно заметил Том. – Послушай, я готов поспорить, что Келли ему ничего не скажет.

– Ага, – сжалился Сонни. Стряхнув пепел с сигареты, он затаился и заговорил, выпуская дым: – Ну, а если скажет, папа придумает, как это уладить. Какое-то время он будет на тебя злиться, но он не даст Луке тебя убить. – Помолчав еще немного, он добавил: – Разумеется, братья Келли... – Не договорив, он снова разразился хохотом.

– Хорошо повеселился? – спросил Том. – Умник!

– Извини, – сквозь смех проговорил Сонни, – но это круто. Наш Идеал оказался не таким уж и идеальным. В Хорошем Мальчике есть кое-что плохое. Я просто тащусь. – Протянув руку, он взъерошил Тому волосы.

Тот отстранил его руку.

– Мама тревожится насчет тебя, – сказал он. – Она нашла пятидесятидолларовую бумажку в кармане брюк, которые ты отдал ей постирать.

Сонни с силой хлопнул пястью по рулевому колесу.

– Так вот куда она подевалась! Мама ничего не сказала папе?

– Нет. Пока что ничего не сказала. Но она волнуется.

– Как она поступила с деньгами?

– Отдала мне.

Сонни вопросительно посмотрел на брата.

– Не беспокойся, – сказал тот, – они у меня.

– Так что же мама волнуется? Я работаю. Скажи ей, я отложил эти деньги.

– Ну же, Сонни, мама не глупая. Речь идет о пятидесятидолларовой банкноте.

– Если она волнуется, почему не спросит у меня?

Том откинулся на спинку сиденья, словно его утомил один лишь разговор с братом. Опустив до конца стекло, он подставил лицо набегающему ветру.

– Мама не спрашивает у тебя, – сказал он, – по той же самой причине, по которой не спрашивает у папы, почему нам сейчас принадлежит целый дом в Бронксе, хотя не так давно мы вшестером ютились в двухкомнатной квартире на Десятой авеню. По той же самой причине, по которой не спрашивает у папы, как получилось так, что все, кто живет в этом доме, работают на него и почему у крыльца постоянно торчат два типа, следящих за всеми, кто проходит и проезжает мимо.

Зевнув, Сонни провел пальцами по густой копне черных вьющихся волос, рассыпавшихся на лоб чуть ли не до самых глаз.

– Ну как же, – усмехнулся он, – торговля оливковым маслом – очень опасное занятие.

– Сонни, – сказал Том, – откуда у тебя в кармане оказалась пятидесятидолларовая бумажка? Почему на тебе двубортный костюм в полоску, в котором ты похож на гангстера? И почему, – спросил он, быстро просунув руку за пазуху пиджака Сонни к плечу, – ты носишь пистолет?

– Послушай, Том, – сказал Сонни, убирая его руку, – ты мне вот что скажи. Мама вправду верит, что папа занимается торговлей оливковым маслом?

Том ничего не ответил. Он ждал, молча глядя на Сонни.

– Я ношу с собой «пугач», – сказал Сонни, – потому что мой брат может попасть в беду, и тогда ему понадобится тот, кто его из беды вытащит.

– Но где ты раздобыл пистолет? – продолжал Том. – Что с тобой происходит, Сонни? Папа тебя убьет, если ты действительно занимаешься тем, чем, судя по всему, ты занимаешься. Что случилось?

– Ответ на мой вопрос, – настаивал Сонни. – Я говорю серьезно. Как ты думаешь, мама правда верит, что папа торгует оливковым маслом?

– Папа действительно занимается торговлей оливковым маслом. А что? Чем же он, по-твоему, занимается?

Сонни посмотрел на брата так, словно хотел сказать: «Не говори так, будто ты полный кретин».

– Я не знаю, во что верит мама, – продолжал Том. – Я только знаю, что она попросила меня поговорить с тобой насчет денег.

– Вот и скажи ей, что я отложил их, работая в гараже.

– Ты по-прежнему работаешь в гараже?

– Да, – подтвердил Сонни. – Работаю.

– Господи Иисусе, Сонни...

Том потер глаза ладонями. Машина свернула на Канал-стрит, вдоль тротуаров по обеим сторонам тянулись пустые торговые палатки. Сейчас здесь все было тихо, но через несколько часов улица будет запружена гуляющими толпами в воскресных нарядах, спешащих насладиться погожим осенним днем.

– Сонни, – сказал Том, – послушай меня. Всю свою жизнь мама тревожится о папе – но, Сонни, она не должна тревожиться о своих детях. Ты меня слышишь, умник? – Он повысил голос, подчеркивая свою мысль. – Я поступил в колледж. У тебя хорошая работа в гараже. Фредо, Майкл, Конни – они еще малыши. Мама спокойно спит по ночам, потому что может не беспокоиться о своих детях, так, как она беспокоится каждое бодрствующее мгновение своей жизни о папе. Подумай, Сонни. – Том взял пальцами лацкан пиджака брата. – Какую тяжесть ты собираешься взвалить на мамины плечи? Во сколько тебе обошелся этот сшитый на заказ костюм?

Сонни остановился у тротуара перед гаражом. Вид у него был сонный и скучающий.

– Вот мы и приехали, – сказал он. – Сходи, открой ворота, хорошо, приятель?

– И это все? – спросил Том. – Это все, что ты хочешь мне сказать?

Закинув руку на спинку сиденья, Сонни закрыл глаза.

– Господи, как же я устал.

– Ты устал, – повторил Том.

– Ей-богу, – пробормотал Сонни, – мне кажется, я на ногах уже целую вечность.

Том подождал, глядя на брата, и тут до него дошло, что Сонни уже засыпает.

– Матталусс'! – пробормотал он, нежно взяв брата за волосы и встряхнув его.

– В чем дело? – спросил Сонни, не открывая глаза. – Ты уже отпер гараж?

– А у тебя есть ключи?

Открыв бардачок, Сонни достал ключ и протянул его Тому. Он поставил машину прямо напротив ворот.

– Добро пожаловать, – сказал Том.

Он вышел из машины. Они были на Мотт-стрит, в квартале от дома, где жил Сонни. Том хотел было спросить у брата, почему тот держит машину в гараже в квартале от своего дома, вместо того чтобы просто оставлять ее на улице прямо перед подъездом. Однако, подумав, он решил ни о чем не спрашивать и направился отпирать гараж.

Глава 3

Постучав, Сонни открыл входную дверь. Не успел он сделать и двух шагов в царящий внутри хаос, как ему в объятия бросилась Конни, выкрикивая его имя. Ее ярко-желтое платье было помято и испачкано в том месте, где она, судя по всему, больно упала на колени. Шелковистые черные локоны, освобожденные от оков двух заколок, украшенных ярко-красными

бантами, рассыпались по лицу. Войдя следом за Сонни, Том закрыл входную дверь, преграждая путь осеннему ветру, который собирал опавшую листву и мусор на Артур-авеню и сгребал их вдоль по Хьюз-авеню мимо крыльца дома Корлеоне, где стояли на страже Бобби Алтиери по прозвищу Толстяк и Джонни Ласала, бывшие боксеры из Бруклина, курия и обсуждая последний матч «Нью-Йорк джайентс». Обвив своими детскими ручонками шею брату, Конни громко и смачно чмокнула его в щеку. Майкл оторвался от игры в шашки с Ричи Гатто, Фредо выбежал из кухни, и все, кто находился в квартире, – а в воскресенье здесь собралась целая толпа, – тотчас же встретили появление Сонни и Тома громким приветственным ревом, раскатившимся по комнатам.

Наверху, в кабинете в конце деревянной лестницы, Дженко Аббандандо поднялся из мягкого кожаного кресла и закрыл дверь.

– Похоже, Сонни и Том только что вернулись, – сказал он.

Поскольку только глухой не услышал бы имена ребят, повторенные по меньшей мере десяток раз, в этом заявлении не было необходимости. Вито Корлеоне, сидевший за письменным столом в кресле с прямой спинкой, постучал пальцами по коленям, пригладил залезшие назад черные волосы и сказал:

– Давай закончим с этим побыстрее. Я хочу увидаться с мальчишками.

– Как я говорил, – продолжал Клеменца, – Марипоза намеревается пролить кровь. – Достав из кармана носовой платок, он шумно высморкался. – Простудился немного, – добавил он, словно в оправдание показав Вито платок.

Это был грузный мужчина с круглым лицом и быстро редющими волосами. Его массивное тело заполняло кресло, стоявшее рядом с креслом Дженко. Перед ними примостился столик с бутылкой анисовой водки и двумя стаканами.

Тессио, четвертый мужчина, находившийся в кабинете, стоял перед окном, выходящим на Хьюз-авеню.

– Эмилио прислал ко мне одного из своих ребят, – сказал он.

– И ко мне тоже, – подхватил Клеменца.

Похоже, Вито удивился.

– Неужели Эмилио Барзини полагает, что мы крадем у него виски?

– Нет, – сказал Дженко. – Эмилио не настолько глуп. Это Марипоза считает, что мы крадем у него виски, а Эмилио предполагает, что, возможно, нам известно, кто этим занимается.

Вито провел тыльной стороной пальцев по подбородку.

– Как такой тупица, – сказал он, имея в виду Джузеппе Марипозу, – мог достичь таких высот?

– На него работает Эмилио, – заметил Тессио. – Это очень кстати.

– У него есть братья Барзини, братья Розаро, Томазино Чинквемани, Фрэнки Пентаджели... *Madon!* – добавил Клеменца. – Его *saro regime*... – Он стиснул кулак, показывая, что подручные Марипозы – крутые ребята.

Вито протянул руку к стаканчику желтоватой граппы на столе. Отпив глоток, он поставил стакан.

– Этот человек, – сказал он, – он дружит с чикагской братвой. Ему принадлежит с потрохами семья Татталья. У него за спиной политики и воротилы бизнеса... – Вито показал друзьям свои открытые ладони. – Зачем мне ссориться с таким человеком, воруя у него несколько долларов?

– Марипоза близкий друг Капоне, – добавил Тессио. – Они с ним давние кореша.

– Сейчас делами в Чикаго управляет Фрэнк Нитти⁶.

⁶ Нитти, Франческо Рафаэлли (1886–1943) – американский гангстер, сподвижник Аль Капоне. Последний после своего ареста назначил Нитти главой чикагской мафии.

– Это Нитти считает, что заправляет делами в Чикаго, – возразил Дженко. – С тех пор как Капоне отправился в казенный дом, там командует Рикка⁷.

Вито шумно вздохнул, и трое мужчин, сидящих напротив, тотчас же притихли. В свои сорок два Вито по-прежнему сохранил многое от молодости: черные волосы, мускулистые руки и грудь, оливковая кожа, не тронутая морщинами и складками. Хотя Вито был приблизительно одних лет с Клеменцей и Дженко, выглядел он моложе обоих – и гораздо моложе Тессио, который уже родился с внешностью старика.

– Дженко, – сказал Вито. – *Consigliere*. Возможно ли, что Марипоза настолько *stupido*? Или, – Вито подчеркнул свои слова пожатием плеч, – или он замыслил кое-что еще?

Дженко задумался над его словами. Худой мужчина с носом в форме клюва, он всегда казался чем-то встревоженным. Дженко постоянно страдал от *agita* и то и дело бросал в стакан две таблетки алка-зельцера и выпивал его залпом, словно дозу виски.

– Джузеппе не настолько глуп, чтобы не видеть очевидное, – сказал он. – Он понимает, что «сухой закон» доживает последние дни, и я думаю, что схватка с Лаконти – это подготовка к тому, чтобы забрать все в свои руки, как только будет отменен закон Волстеда⁸. Но мы не должны забывать, что дело с Лаконти еще не закончено...

– Лаконти уже мертв, – перебил его Клеменца. – Он просто еще об этом не знает.

– Он еще не мертв, – сказал Вито. – Розарио Лаконти – не из тех, кого можно недооценивать.

Тессио покачал головой, словно глубоко сожалея о том, что ему предстояло сказать.

– Он все равно что мертв. – Он достал из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет. – Большинство его людей уже переметнулось к Марипозе.

– Лаконти жив до тех пор, пока не умрет! – рявкнул Дженко. – А когда это случится, берегитесь! Как только «сухой закон» отменят, все мы окажемся под каблуком у Джо. Он будет командовать парадом, деля остатки пирога так, чтобы ему самому достался самый большой кусок. Семья Марипозы будет самой сильной – везде, в Нью-Йорке, где бы то ни было.

– За исключением Сицилии, – заметил Клеменца.

Дженко пропустил его слова мимо ушей.

– Но, как я уже говорил, Лаконти еще не мертв, и до тех пор, пока Джо с ним не разберется, это будет его главной заботой. – Он указал на Тессио. – Он полагает, что это ты ворует его товар; или ты, – добавил он, обращаясь к Клеменце, – или мы с тобой, – сказал он Вито. – Однако он не собирается нас трогать. По крайней мере до тех пор, пока не разберется с Лаконти. Но ему очень хочется положить конец воровству.

Выдвинув ящик письменного стола, Вито достал коробку сигар «Де нобили» и развернул одну сигару.

– Ты согласен с Дженко? – спросил он, обращаясь к Клеменце.

Тот сложил руки на животе.

– Марипоза нас не уважает.

– Он никого не уважает, – уточнил Тессио.

– Для Джо мы все лишь стадо *finocch'*. – Клеменца неуютно заерзал в кресле, и у него покраснелось лицо. – Мы для него что-то вроде ирландской шпаны, которую он постепенно выводит из дела, – никчемная мелюзга. По-моему, ему нет никакого дела до того, начнется ли у него с нами война. Бойцов у него хоть отбавляй.

– Не буду спорить, – согласился Дженко, допивая водку. – Марипоза глуп. Он никого не уважает. Со всем этим я полностью согласен. Однако его *saro regime* не глупы. Они позабо-

⁷ Рикка, Пол (1897–1992) – американский гангстер, помощник Фрэнка Нитти, фактически руководил чикагской мафией.

⁸ Закон Волстеда – принятый в октябре 1919 года закон о принудительном проведении в жизнь положений Восемнадцатой поправки к конституции о запрете производства, транспортировки и продажи алкогольных напитков, так называемый «сухой закон»; назван по имени его инициатора сенатора Э. Волстеда.

тятся о том, чтобы он сначала разобрался с Лаконти. До тех пор пока с этим не будет кончено, кража виски – лишь мелкая разменная монета, не больше.

Раскурив сигару, Вито повернулся к Тессио. Внизу одна из женщин что-то крикнула по-итальянски, ей ответил мужской голос, и тут же весь дом взорвался хохотом.

Тессио загасил сигарету в черной пепельнице, стоявшей рядом на подоконнике.

– Джо не знает, кто ворует его товар. Он грозит нам кулаком, а потом подождет и посмотрит, что будет дальше.

– Вито! – начал Дженко, срываясь на крик. – Он посылает нам сообщение: если мы ворует у него, нам лучше остановиться. Если же нет, нам лучше выяснить, кто этим занимается, и положить всему конец, ради нашего же собственного здоровья. Его помощники понимают, что мы не настолько глупы, чтобы красть несколько долларов, но они собираются сосредоточить все усилия на Лаконти, предоставив нам выполнить за них всю грязную работу и разобраться с этой проблемой. Так им не нужно будет ни о чем беспокоиться – и я готов поспорить, что придумали все это братья Барзини. – Отыскав в кармане пиджака сигару, он сорвал с нее обертку. – Вито, прислушайся к своему *consigliere*.

Вито помолчал, давая Дженко время успокоиться.

– Итак, сейчас мы работаем на Ретивого Джо Марипозу. – Он пожал плечами. – Как так получается, – продолжал он, обращаясь к своим собеседникам, – что никто до сих пор не знает, кто эти воры? Кому-то же они должны продавать краденый виски, разве не так?

– Они продают товар Луке Брази, – сказал Клеменца. – А тот сбывает его подпольным кабакам в Гарлеме.

– Так почему Джо не спросит то, что хочет узнать, у Луки Брази?

Клеменца и Тессио переглянулись, словно ожидая, кто заговорит первый. Увидев, что оба молчат, заговорил Дженко:

– Лука Брази – самый настоящий зверь. Огромный, сильный, как десять человек, и сумасшедший. Марипоза до смерти его боится. Все его боятся.

– *Il diavolo!* – сказал Клеменца. – Винни Сьютс из Бруклина клянется, что видел, как Брази получил в упор пулю в сердце, встал и ушел как ни в чем не бывало.

– Демон из преисподней, – усмехнулся Вито. – Так как же получается, что я впервые слышу о таком человеке?

– Лука играет строго по-маленькому, – сказал Дженко. – У него банда из четырех-пяти ребят. Грабежи и тотализатор, отобранный у ирландцев. Лука никогда не выказывал желания расширить свою деятельность.

– Где он работает? – спросил Вито.

– В ирландском квартале между Десятой и Одиннадцатой авеню, и в Гарлеме, – объяснил Тессио.

– Ну хорошо, – сказал Вито, кивком показывая, что обсуждение окончено. – Я займусь этим демоне.

– Вито, – сказал Дженко, – Лука Брази не из тех, на кого действуют доводы рассудка.

Вито посмотрел на него так, словно перед ним было пустое место.

Дженко обмяк в кресле.

– Что-нибудь еще? – Вито взглянул на наручные часы. – Нас ждут, чтобы начать обед.

– Я умираю от голода, – сказал Клеменца, – но я не могу остаться. Моя жена пригласила своих родителей. *Madre'Dio!* – Он хлопнул себя по лбу.

Дженко рассмеялся, и даже Вито не смог сдержать улыбки. Жена Клеменцы и габаритами, и характером была полностью под стать ему. Ее родители славились тем, что были готовы громогласно спорить обо всем, начиная от бейсбола и кончая политикой.

– Еще один момент, – сказал Тессио, – раз уж мы заговорили об ирландцах. До меня дошли слухи, что кое-кто из них собирается объединиться. Мне сказали, что братья О'Рурк

встречались с Доннели, с Питом Мюрреем и другими. Все они недовольны тем, что их вытеснили из прежнего бизнеса.

Вито отмахнулся от этих слов, тряхнув головой.

– Единственные ирландцы, кого нам теперь остается бояться, – это фараоны и политики. А те, о ком ты говоришь, это простая уличная шпана. Они попытаются объединиться, но все дело кончится тем, что они перепьются и перебьют друг друга.

– И все же, – настаивал Тессио, – от них можно ждать неприятностей.

Вито посмотрел на Дженко.

– Присматривай за ними, – обратился тот к Тессио. – Если еще что-нибудь услышишь...

Поднявшись из кресла, Вито хлопнул в ладоши, показывая, что встреча закончена. Загасив сигару в пепельнице, он допил граппу и следом за Тессио вышел из кабинета и спустился по лестнице. Дом был полон его родных и друзей. В гостиной внизу лестницы Ричи Гатто, Джимми Манчини и Эл Хэтс громко спорили о «Янкиз» и Бейбе Руте⁹.

– Бейбу нету равных! – крикнул Манчини, но тут увидел спускающегося по лестнице Вито.

Он встал, и остальные последовали его примеру. Эл, одетый с иголки коротышка лет пятидесяти с небольшим, крикнул Тессио:

– Этот setriol хочет убедить меня в том, что Билли Терри как тренер лучше Маккарти¹⁰!

– Билл из Мемфиса! – воскликнул Дженко.

– У «Янкиз» на пять побед меньше, чем у «Сенаторс»! – крикнул в ответ Клеменца.

– Можно считать, кубок уже у «Джайентс» в кармане.

Его тон красноречиво говорил то, что он как преданный болельщик вечных неудачников «Бруклин доджерс» от этого не в восторге, однако такова была действительность.

– Пап, – сказал Сонни, – ну ты как?

Протиснувшись сквозь толпу, он обнял отца.

Вито потрепал сына по шее.

– Как у тебя дела на работе?

– Все в порядке! – Сонни указал на открытую дверь, соединяющую гостиную и обеденный зал, откуда как раз появился Том с Конни на руках, в окружении Фредо и Майкла. – Смотри, кого я встретил, – сказал он, имея в виду Тома.

– Привет, папа, – сказал Том. Опустив Конни на диван, он подошел к Вито.

Тот обнял его, затем взял за плечи.

– Что ты здесь делаешь? Ты ведь должен учиться.

Кармелла вышла из кухни с большим блюдом закусок, скрученных ломтиков capicol', обложенных ярко-красными помидорами, черными оливками и кусками свежего сыра.

– Мальчику нужна настоящая еда! – сказала она. – У него голова высохнет от всего того мусора, каким его кормят. Mangia! – приказала она Тому.

Кармелла отнесла блюдо на стол, который на самом деле представлял собой два стола, составленных вместе и накрытых красно-зеленой скатертью.

Тессио и Клеменца извинились и, после многочисленных рукопожатий и теплых объятий, направились к выходу.

Положив руку Тому на плечо, Вито провел его в обеденный зал, где остальные мужчины и мальчики уже занимали места вокруг стола, в то время как женщины расставляли тарелки и подносили блюда с закусками, хлеб и бутылочки с оливковым маслом и уксусом. Жена Джимми

⁹ Рут, Джордж Герман, по прозвищу Бейб («Малыш») (1895–1948) – легендарный бейсболист, в 1920–1936 годах выступал за клуб «Нью-Йорк янкиз».

¹⁰ Маккарти, Джозеф Винсент (1887–1978) – бейсбольный тренер, под его руководством «Нью-Йорк янкиз» выиграли 7 призов и 10 чемпионатов. Терри, Уильям (1898–1989) – знаменитый бейсболист, тренер, в 1933 году работал с «Нью-Йорк джайентс».

Манчини, которой едва исполнилось двадцать лет, возилась на кухне вместе с остальными женщинами. Они варили бурлящий томатный соус с мясом и специями, и каждые несколько минут громкий, гогочущий хохот молодой женщины разрывал смех пожилых женщин, рассказывавших веселые истории про своих родственников и соседей. Кармелла за разделочным столом присоединилась к разговору, нарезая полоски теста, заправляя их творогом, скатывая их и запечатывая края зубцами вилки. Она встала рано, чтобы замесить и раскатать тесто, и скоро готовые равиоли уже должны были отправиться в огромную кастрюлю с кипящей водой. Рядом с ней ее соседка Анита Колумбо молча готовила *braciol'*, а внучка Аниты Сандра, шестнадцатилетняя девушка с черными как смоль волосами, только что приехавшая с Сицилии, раскладывала подрумяненную жареную картошку на ярко-голубом блюде. Сандра, как и ее бабушка, по большей части молчала, хотя она и приехала с родины, безупречно владея английским, который выучила от своих родителей, воспитанных Анитой в Бронксе.

На ковре в гостиной Конни играла с Люси Манчини, которая была одних с нею лет, но весила уже вдвое больше, хоть и была выше всего на какой-то дюйм. Девочки устроились в углу, тихо возясь с куклами и кукольной посудой. Внимание всех в обеденном зале было привлечено к Майклу Корлеоне, тринадцатилетнему ученику восьмого класса. В простой белой рубашке со стоячим воротником, он сидел за столом, сложив руки перед собой. Подросток только что рассказал всем присутствующим о том, что ему до конца года нужно подготовить «грандиозный» доклад по истории Соединенных Штатов, и он «подумывает» о том, чтобы написать работу о пяти родах вооруженных сил: армии, морской пехоте, флоте, авиации и береговой охране. Фредо Корлеоне, на шестнадцать месяцев и на один класс старше брата, воскликнул:

– Эй, *stupido!* С каких это пор береговая охрана у нас стала родом вооруженных сил?

Майкл сверкнул взглядом на брата.

– Так было всегда, – сказал он и оглянулся на отца.

– Болван! – не унимался Фредо. Размахивая одной рукой, другой он схватил металлическую застежку подтяжек. – Береговая охрана – это *не настоящие* военные!

– Очень смешно, Фредо. – Откинувшись назад, Майкл посмотрел брату в лицо. – Я так понимаю, брошюра, которую мне прислали из вербовочного пункта, это недоразумение?

Весь стол взорвался хохотом, а Фредо обиженно обратился к отцу:

– Эй, пап! Ведь береговая охрана не является родом вооруженных сил. Правда?

Вито, сидящий во главе стола, налил себе красного вина из простого стеклянного кувшина. Закон Волстеда еще продолжал действовать, однако в Бронксе не было ни одной итальянской семьи, где по воскресеньям к обеду не подавали бы вино. Наполнив свой бокал, Вито налил вино Сонни, который сидел слева от него. Справа был пустой стул Кармеллы.

За Вито ответил Том, обнимая Фредо за плечо и говоря:

– Мики прав. Просто береговая охрана не участвует в крупных сражениях, в отличие от других родов.

– Вот видишь, – сказал Фредо Майклу.

– Так или иначе, – сказал Майкл, обращаясь ко всем сидящим за столом, – возможно, я напишу доклад о Конгрессе.

Указав на сына, Вито сказал:

– Быть может, когда-нибудь ты сам будешь заседать в Конгрессе.

Майкл улыбнулся, Фредо пробурчал себе под нос что-то невнятное, и тут к столу присоединились Кармелла и остальные женщины, принеся с собой две большие миски равиоли, обильно политых томатным соусом, а также тарелки с мясом и овощами. При виде яств за столом раздались возбужденные голоса, перешедшие в громкий гомон, когда женщины принялись раскладывать порции по тарелкам. Когда все тарелки были завалены горами еды, Вито поднял свой бокал и сказал:

– *Saluto!*

Все ответили на это приветствие, после чего приступили к воскресному обеду.

За столом Вито говорил мало, что было в его духе. Вокруг оживленно болтали родственники и друзья, а он ел медленно, не спеша наслаждаясь соусом и равиоли, фрикадельками и braciol', от души потягивая вино, привезенное с родины, чтобы украсить воскресный стол. Ему не нравилось, как остальные за столом, в первую очередь Сонни, жадно поглощали блюда, полностью сосредоточившись – по крайней мере, так ему казалось – на разговоре, а не на еде. Это выводило Вито из себя, однако он прятал свое недовольство под маской вежливого интереса. Он сознавал, что тут он является исключением. Ему нравилось заниматься зараз одним делом, целиком посвящая ему себя. Во многих отношениях Вито Корлеоне отличался от тех, кто его воспитал и среди кого он жил. И он это признавал. К вопросам секса Вито относился трепетно, в то время как его собственная мать и большинство знакомых женщин вели себя грубо и вульгарно. Кармелла понимала мужа и тщательно следила за своими словами в его присутствии, – но как-то раз, проходя мимо кухни, где собралось много женщин, Вито услышал, как Кармелла очень вульгарно высказалась о сексуальных пристрастиях одной из своих знакомых, что беспокоило его в течение многих дней после этого. Вито вел себя сдержанно – и он жил в окружении тех, кто славится неискушенностью своих чувств, по крайней мере в отношении друг к другу, к своим родным и друзьям. Он ел медленно и слушал, обращая внимание на услышанное.

– Вито, – сказала Кармелла, когда обед уже близился к концу. Она старалась оставаться серьезной, но ей с трудом удавалось сдерживать улыбку. – Быть может, у тебя есть что-то такое, чем ты хочешь поделиться со всеми?

Тронув жену за руку, Вито обвел взглядом собравшихся за столом. Супруги Гатто, Манчини и Аббандандо внимательно смотрели на него, как и его собственная семья, его мальчики Сонни и Том, Майкл и Фредо. Даже маленькая Конни, сидевшая в конце стола со своей подругой Люси, даже она выжидающе уставилась на отца.

– Поскольку все мы собрались вместе, моя семья и мои друзья, – начал Вито, указывая бокалом на чету Аббандандо, – сейчас самое время открыть вам, что я приобрел участок земли на Лонг-Айленде – не очень далеко, в Лонг-Биче, и я собираюсь построить там дома для своей семьи, для ближайших друзей и деловых партнеров. – Он снова кивнул на супругов Аббандандо. – Дженко и его семья присоединится к нам на Лонг-Айленде. Надеюсь, в следующем году мы к этому времени уже переберемся в новое жилье.

Все молчали. Кармелла и Аллегра Аббандандо единственные улыбались, потому что они уже видели участок и планы домов. Остальные, казалось, не знали, как отнестись к этой новости.

– Папа, ты имеешь в виду поселок? – наконец спросил Том. – Все дома стоят вместе?

– Si! Esattomento! – воскликнула Аллегра и тотчас же осеклась, перехватив взгляд, который бросил на нее Дженко.

– Там всего шесть участков, – сказал Вито, – и со временем мы застроим их все. В настоящий момент возводятся дома для нас, для семей Аббандандо, Клеменца и Тессио, и еще один для наших помощников, которые будут нужны нам под рукой.

– Там вокруг стена, – сказала Кармелла. – Это как замо́к.

– Как крепость? – уточнил Фредо.

– Si, – подтвердила Кармелла и рассмеялась.

– А что насчет школы? – спросил Майкл.

– Не беспокойтесь, – сказала мать, – этот год вы доучитесь здесь.

– А можно съездить и посмотреть? – радостно закричала Конни. – Когда мы сможем посмотреть?

– Скоро, – ответил Вито. – Мы устроим пикник. Отправимся туда на целый день.

– Господь благословил вас богатством, – сказала Анита Колумбо. – Однако нам будет вас не хватать. – Она сложила руки на груди, словно в молитве. – Без семейства Корлеоне этот район уже никогда не будет таким, как прежде.

– Для своих друзей мы по-прежнему останемся рядом, – сказал Вито. – Это я вам обещаю. Сонни, который молчал, что было совсем на него не похоже, одарил Аниту лучезарной улыбкой.

– Не беспокойтесь, миссис Колумбо, – сказал он. – Неужели вы полагаете, что я смогу далеко отпустить вашу прекрасную внучку?

Смелое высказывание Сонни вызвало всеобщий дружный хохот – не смеялись только Сандра, миссис Колумбо и Вито.

Когда смех утих, Вито обратился к миссис Колумбо:

– Простите моего сына, signora. С рождения Сонни благословен добрым сердцем и проклят длинным языком. – Он подкрепил свои слова, легонько хлопнув сына по затылку.

Слова Вито и затрещина вызвали новый приступ хохота сидящих за столом и легкую улыбку на губах Сандры – однако нисколько не прояснили мрачное выражение миссис Колумбо.

Джимми Манчини, крупный мускулистый парень лет тридцати с небольшим, поднял бокал вина.

– За семью Корлеоне, – сказал он. – Да благословит и хранит их господь! Пусть процветает это достойное семейство! – Подняв бокал выше, он воскликнул: – Salute! – и залпом осушил его.

И все остальные последовали его примеру с криками «Salute!».

Глава 4

Сонни вытянулся в кровати, скрестив ноги и подложив руки под голову. В открытую дверь спальни он видел кухню и часы на стене над раковинкой. Там назвал его квартиру «пустой», и сейчас это словно громыхало в сознании Сонни, отсчитывающего минуты до полуночи. Посреди круглого циферблата были выведены слова «Смит и Дей», тем же черным шрифтом, что и цифры. Каждую минуту длинная стрелка совершала прыжок на одно деление, а короткая подползала чуть ближе к двенадцати. «Пустая» означало то, что мебели и украшений в квартире было по минимуму. И это соответствовало действительности. В спальне единственным предметом обстановки, помимо кровати, был дешевый шкаф, оставленный прежними хозяевами. Кухонная мебель состояла из двух белых стульев и стола с одним ящиком и белой эмалированной столешницей. Столешница была отделана по краю красной полосой, и ручка ящика также была красной. «Пустая»... Больше Сонни ничего не было нужно. Стирку взяла на себя его мать, мылся он дома (именно так он по-прежнему думал о квартире своих родителей), а девчонок он сюда старался не водить, предпочитая спать с ними у них дома или же делать это быстро и грязно на заднем сиденье своей машины.

Оставалось еще пять минут до того, как можно было уходить. Заглянув в туалет, Сонни посмотрел на себя в зеркало на шкафчике с аптечкой. Он был в темной рубашке, черных брюках и черных кедах «Нэт Холмен». Своего рода форменная одежда. Сонни настоял на том, что все ребята, выходя на дело, одевались одинаково. Так будет труднее отличить одного от другого. Кеды ему не нравились. На его взгляд, в них ребята еще больше были похожи на детей, что их совсем не устраивало, поскольку самому старшему из них было восемнадцать, – но Корт объяснил, что в кедах быстрее бегать и у них не такая скользкая подошва, поэтому решено было остановиться на кедах. В Корке было всего пять футов семь дюймов росту, и весил он только сто двадцать фунтов, однако никто, и Сонни в том числе, не хотел с ним драться. Безжалостный, Корт обладал мощнейшим хуком справа, и Сонни был лично свидетелем того, как

он одним ударом уложил какого-то типа. И голова у него была толковой. По всей квартире у него были разбросаны коробки с книгами. Он всегда был таким – много читал, еще с тех пор, как они с Сонни учились в начальной школе.

Сонни снял с крючка у двери темно-синюю куртку. Надев ее, он достал из кармана шерстяную шапочку и натянул ее на пышную копну волос. Оглянувшись на часы в тот самый момент, как они показали двенадцать, Сонни сбежал два пролета до Мотт-стрит. Три четверти луны выглядывали сквозь прореху в тучах на брусчатую мостовую и ряды жилых домов с фасадами из красного кирпича и черными железными пожарными лестницами. Все окна были темными, а низко нависшие тучи грозили пролиться дождем. На углу Мотт и Гранд под фонарем натекла лужица света. Сонни направился к свету, и, убедившись в том, что вокруг никого больше нет, нырнул в лабиринт переулков и направился через Малберри на Бакстер, где за рулем черного «Нэша» с похожими на выпученные глаза жука фарами и широкими подножками ждал Корк.

Как только Сонни уселся на переднее сиденье, Корк медленно тронулся с места.

– Привет, Сонни Корлеоне, – сказал он, произнося фамилию как уроженец Италии и получая от этого удовольствие. – День выдался скучный, словно бульварная газетенка. А у тебя как?

Он был одет так же, как Сонни, его песочно-желтые прямые волосы выбивались из-под края шапочки.

– То же самое, – сказал Сонни. – Ты нервничаешь?

– Есть немного, – признался Корк, – но не нужно объявлять об этом остальным, правильно?

– Как я выгляжу? – Толкнув Корка в бок, Сонни указал вперед, где в конце улицы на углу на грубых каменных ступеньках крыльца сидели братья Ромеро, Винни и Анджело.

Корк притормозил у обочины и тотчас же тронулся снова, как только ребята запрыгнули на заднее сиденье. Винни и Анджело были близнецами, и Сонни приходилось пристально всматриваться, чтобы определить, кто есть кто. Винни носил короткую стрижку, что придавало ему более грубый вид, в то время как его брат всегда тщательно и аккуратно расчесывал свои длинные волосы. Однако поскольку сейчас оба были в шапочках, Сонни смог отличить Анджело только по нескольким прядям волос, упавших на лоб.

– Го-осподи, – протянул Корк, оглядываясь на заднее сиденье, – я знаю этих двух птенчиков всю свою жизнь, но будь я проклят, если смогу вас различить, когда вы так одеты.

– Я тот, что умнее, – сказал Винни.

– Я тот, что красивее, – подхватил Анджело, и оба рассмеялись.

– Нико раздобыл «масленки»? – спросил Винни.

– Ага. – Сонни снял шапочку, примял волосы, после чего попытался снова ее надеть. –

Они обошлись нам в большие бабки.

– Дело того стоит, – сказал Винни.

– Послушай, ты проехал мимо этого переулка! – Сонни сидел, обернувшись назад. Теперь он развернулся и пихнул Корка.

– Который? – спросил Корк. – И прекрати пихаться, долбаный мармелад.

– Перед прачечной, – сказал Сонни. Он указал на зеркальную витрину прачечной Чика. – Ты что, слепой?

– Сам ты слепой, козел, – пробормотал Корк. – Я был занят.

– Stugots'... – Сонни снова пихнул его, и тот рассмеялся.

Включив заднюю передачу, Корк отогнал «Нэш» в переулок, заглушил двигатель и погасил фары.

– Где они? – сказал Анджело, и в это самое мгновение открылась покосившаяся дверь и на заваленную мусором мостовую шагнул Нико Ангелопулос, между двумя рядами перепол-

ненных мусорных баков, а следом за ним появился Стиви Дуайер. Нико на целый дюйм ниже ростом, чем Сонни, но все равно выше остальных. У него худое жилистое телосложение профессионального бегуна. Стиви – маленький и толстенький. Оба были нагружены черными брезентовыми сумками с длинными ручками, висящими на плече. Судя по тому, как двигались ребята, сумки были тяжелыми.

Нико втиснулся на переднее сиденье между Корком и Сонни.

– Подождите, сейчас я вам покажу, что у нас в сумках.

Стиви положил свою сумку на пол и раскрыл ее.

– Будем молить бога, чтобы эти «томми»¹¹ не оказались бесполезной рухлядью.

– Бесполезной рухлядью? – спросил Корк.

– Мы из них не стреляли. Я сказал этому тупому греку...

– А, заткнись! – оборвал своего приятеля Нико. Он повернулся к Сонни. – А что нам нужно было делать – поливать свинцом мою спальню, пока народ внизу слушал Артура Годфри¹²?

– Так он разбудил бы всех соседей, – заметил Винни.

– Хотелось бы надеяться, что это не брак, – сказал Сонни. – В противном случае нам придется засунуть их себе в задницы.

Достав из сумки «томпсон», Нико протянул его Сонни. Тот взял пистолет-пулемет за приклад и обхватил пальцами дополнительную пистолетную рукоятку из полированного дерева, закрепленную под стволом. На рукоятке вырезаны углубления для пальцев, а дерево твердое и теплое. Круглый черный магазин посередине, в дюйме перед спусковой скобой, напомнил Сонни жестяную коробку с кинолентой.

– Ты получил их от Винни Сьютса из Бруклина? – спросил Сонни у Нико.

– Да, конечно, как ты и говорил. – Казалось, его удивил этот вопрос.

Сонни повернулся к Малышу Стиви.

– Это не брак, – сказал он. – И мое имя не упоминалось, правильно? – спросил он у Нико.

– Ради бога, – возмутился тот, – неужели я внезапно превратился в полного идиота?

– Если мое имя хоть где-нибудь всплывет, – сказал Сонни, – нам всем кранты.

– Да, да, да, – сказал Корк. Он завел машину и выехал из переулка. – Спрячь эти штуковины подальше, а то увидит какой-нибудь фараон, и тогда не оберешься неприятностей.

Сонни убрал пистолет-пулемет обратно в сумку.

– Сколько у нас магазинов?

– Те, что уже вставлены, и еще по одному на каждую «масленку», – сказал Нико.

– Ну что, мелюзга, как вы думаете, мы сможем проверить это дело? – спросил Сонни у близнецов.

– Я смогу нажимать на спусковой крючок, – сказал Анджело.

– Точно, – подхватил Винни. – А почему бы и нет?

– Тогда за дело. – Сонни подтолкнул Корка. «Нэш» выехал на улицу, и он обернулся назад. – Самое главное, – сказал он, – как и прежде, быстро и шумно, чтобы все были в смятении, кроме нас. Мы ждем, пока машина загрузится. Впереди едет одна легковушка, сзади грузовик. Как только легковушка проезжает, Корк выскакивает прямо перед грузовиком. Винни и Анджело, вам предстоит метать свинец. Цельтесь выше. Не нужно никого убивать. Мы с Нико бежим к кабине и разбираемся с водителем и с тем, кто будет рядом с ним. Стиви забегает сзади, на тот случай, если в кузове кто-нибудь есть.

– Но там ведь никого не будет? – с опаской спросил Стиви. – Верно? Вы ведь не видели, чтобы в кузове кто-нибудь был?

¹¹ «Томми», «масленка», «швейная машинка» – жаргонные названия пистолета-пулемета «Томпсон».

¹² Годфри, Артур (1903–1983) – американский актер, звезда радио и телевидения.

– В кузове не бывает ничего, кроме виски, – сказал Сонни. – Но мало ли что, так что нужно быть готовыми ко всему.

Достав из сумки пистолет-пулемет, Стиви подержал его в руках.

– Я буду готов ко всему, – сказал он. – Сказать по правде, я надеюсь, что в кузове кто-нибудь окажется.

– Забудь об этом, – сказал Корк. – И не корми никого свинцом, если только не возникнет крайняя необходимость.

– Не дрейфь, – ухмыльнулся Стиви. – Я буду целиться выше.

– Слушайся Корка. – Сонни задержал взгляд на Стиви, после чего продолжил объяснять план. – Как только грузовик будет наш, мы уезжаем в переулочек. Корк следует за нами, а Винни и Анджело продолжают палить в воздух. – Повернувшись к братьям Ромеро, он добавил: – Если за нами будет погоня, ты продырявишь колеса или радиатор. – Затем он снова обратился ко всем: – Все должно будет закончиться за одну минуту. Прийти и уйти, и наделать много шума. Точно?

– Отлично, – хором ответили оба Ромеро.

– И помните, – закончил Сонни. – Наши противники не будут знать, что происходит. А мы – будем. Это они будут сбиты с толку.

– Сбиты с толку, как изголодавшийся парень в комнате, полной стриптизерш, – сказал Корк. Увидев, что никто не рассмеялся, он добавил: – Го-осподи, ну где же ваше чувство юмора?

– Ты лучше думай о том, как вести машину, Коркоран, – сказал Стиви.

– Го-осподи, – снова протянул Корк, после чего в машине наступила тишина.

Сонни вытащил пистолет-пулемет из сумки. Об этой ночи он мечтал уже целый месяц, с тех самых пор как случайно подслушал, как Эдди Велтри и Толстяк Джимми, двое ребят Тессио, мельком упомянули про эту операцию. Они почти не обсуждали подробности, но все же Сонни понял, что речь идет о партии виски из Канады; выгрузка будет происходить на причале Канарси, и товар предназначается для Джузеппе Марипозы. А дальше уже все было просто. Прогулявшись вместе с Корком вдоль причала, Сонни увидел пару восьмицилиндровых «Гудзонов» напротив доков, а рядом – длинный пикап «Форд» с кузовом, закрытым синим брезентом. Через несколько минут появились два быстроходных катера, рассекая воду. Они пришвартовались в доке, и полдюжины грузчиков принялись перетаскивать ящики из катеров в грузовик. Двадцать минут спустя катера уже уносились прочь, а все ящики были погружены в машину. Полиции можно было не опасаться, потому что Марипоза купил ее всю с потрохами. Это произошло во вторник ночью, и в следующий вторник ночью все повторилось снова. После этого Сонни и Корк еще раз наблюдали за операцией, и вот теперь они были готовы действовать. Никаких сюрпризов не должно было быть. Вряд ли кто-то захочет ввязываться в перестрелку. Кому охота отправиться на тот свет ради какой-то долбанной партии «бухла»?

Добравшись до причала, Корк погасил фары и поехал по переулочку, как и было запланировано. Он еле полз вперед, пока впереди не показался док. Пикап и «гудзоны» стояли там же, где и последние три недели. Сонни опустил стекло. Двое ребят в костюмах стояли у бампера первой машины, разговаривая и куря, разделенные колесом с хромированным колпаком и шиной с белым ободом. Еще двое сидели в кабине «Форда», тоже куря в открытые окна. Они были в ветровках и шерстяных шапочках и внешне напоминали портовых грузчиков. Водитель сидел, положив руки на рулевое колесо и откинув голову назад, натянув шапочку на глаза. Тот, что рядом с ним, курил сигарету и смотрел на воду.

– Похоже, грузовик поведут двое докеров, – сказал Сонни Корку.

– Нам же лучше, – ответил тот.

– Легкая добыча, – сказал Нико, однако по голосу чувствовалось, что он заметно нервничает.

Малыш Стиви притворился, будто стреляет из пистолета-пулемета, шепотом приговаривая: «тра-та-та» и ухмыляясь.

– Я Красавчик Нельсон¹³, – сказал он.

– Ты имел в виду Бонни и Клайда¹⁴, – поправил Корк. – Причем ты Бонни.

Братья Ромеро рассмеялись. Указав на Анджело, Винни сказал:

– А он Красавчик Флойд¹⁵.

– Ну а кто у нас самый отвратительный гангстер? – спросил Анджело.

– Пулемет Келли¹⁶, – сказал Нико.

– Это ты, – сказал брату Анджело.

– Заткнитесь, – оборвал их Корк. – Слышите?

Через мгновение Сонни услышал шум катеров.

– Вот и они, – сказал Корк. – Пора шевелиться, ребята.

Схватив пистолет-пулемет за рукоятку и положив палец на спусковую скобу, Сонни покрутил оружие, стараясь прочувствовать его.

– *Che cazzo!* – пробормотал он, убирая «масленку» в мешок.

Достав из кобуры под мышкой револьвер, он направил его в потолок.

– Отличная мысль, – одобрительно заметил Корк, доставая свой револьвер из кармана куртки и кладя его на сиденье рядом с собой.

– И я тоже, – сказал Нико. Бросив «томпсон» на сиденье, он вытащил из кобуры под мышкой револьвер 38-го калибра и указал на «томми». – Таскать эту штуковину – все равно что носить на руках ребенка.

Сонни строго оглянулся на братьев Ромеро и сказал:

– Не вздумайте! Вы нам нужны с «томпсонами».

– А мне нравится моя «швейная машинка», – заметил Стиви. Высунув дуло пистолета-пулемета в окно, он сделал вид, будто стреляет.

Катера причалили к доку, и из них вышли четверо. Двое типов в костюмах-тройках и фетровых шляпах подошли к ним и обменялись несколькими словами, после чего один из них занял позицию у входа в док. Он проследил за разгрузкой катеров, в то время как второй наблюдал за погрузкой машины. Через двадцать минут грузчики уже закрывали задний борт «Форда», запирая его на крючок и цепь, а катера завели двигатели и с ревом рванули от берега через бухту Джамайка-бей.

– Ну вот, начинается, – сказал Корк.

Сонни прислонился к двери, положив руку на рукоятку. Его сердце выстукивало частую дробь, он обливался потом, несмотря на промозглый ветер, дующий со стороны воды.

Как только головная легковушка тронулась впереди грузовика и второго «гудзона», Корк завел двигатель.

– Еще через секунду, – сказал ему Сонни. Он обернулся к ребятам: – Помните, быстро и шумно.

Свет фар головной машины упал на воду. Легковушка развернулась в доке, чтобы занять место впереди грузовика. Дальше все произошло так, как постоянно требовал Сонни, – быстро и с обилием шума. Корк с ревом бросил «Нэш» перед грузовиком; в то же мгновение Винни,

¹³ Гиллис, Лестер Джозеф, по прозвищу «Красавчик Нельсон» – американский грабитель, одно время считался самым опасным преступником в США; убит в 1934 году в перестрелке с сотрудниками ФБР.

¹⁴ Бонни Паркер и Клайд Бэрроу – молодая пара, которая в начале 1930-х годов на протяжении четырех лет грабила банки в Техасе. Оба были убиты в перестрелке с полицейскими.

¹⁵ Флойд, Чарльз Артур, по прозвищу Красавчик (1904–1934) – американский преступник, совершил несколько крупных ограблений банков. Убит в перестрелке с полицией.

¹⁶ Келли, Джордж Селлино, по прозвищу Пулемет (1895–1954) – американский гангстер времен «сухого закона», в 1933 году арестован и приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме.

Анджело и Стиви выскочили из машины, паля из «томпсонов». За какую-то секунду тишина сменилась грохотом праздничного фейерверка в День независимости. Запрыгнув на подножку «Форда», Сонни распахнул дверь и вышвырнул водителя на землю. К тому времени как он уселся за руль, Нико уже сидел рядом с ним, вопя: «Гони, гони, гони!». Если кто-либо и стрелял в ответ, Сонни этого не слышал. Водитель, которого он выбросил из кабины, задал стрелкача, словно заяц. Сзади донесся треск выстрелов, и Сонни рассудил, что это работа Малыша Стиви. Краем глаза он увидел, как кто-то прыгнул с причала в воду. Задние шины «Гудзона» впереди были продырявлены пулями, и длинный капот задрался вверх, направляя лучи фар на низкие тучи. Анджело и Винни стояли шагах в двадцати друг от друга, выпуская частые короткие очереди. Каждый раз когда они нажимали на спусковые крючки, пистолет-пулеметы словно оживали, стремясь вырваться у них из рук. «Томпсоны» выплясывали джигу, и близнецы плясали вместе с ними. Почему-то запасное колесо, закрепленное рядом с водительской дверью, сорвалось и запрыгало по мостовой, готовясь к смерти. Водителя не было видно, и Сонни решил, что тот забился под приборную панель. Мысленно представив себе его, распластавшегося на полу, Сонни рассмеялся вслух. Направив грузовик в переулок, он увидел в зеркало заднего обзора Винни и Анджело на подножках «нэша», одной рукой вцепившихся в машину, а другой сжимая автоматы, выпуская очереди высоко над доком, в сторону залива.

Сонни мчался по заранее намеченному пути; всего через несколько минут он уже выехал на Рокэуэй-Парквей и влился в редкий поток машин. Корк неотступно следовал за ним. Дело было сделано. Этап со стрельбой завершился.

- Ты видел, как Стиви залезал в кузов грузовика? – спросил Сонни у Нико.
- Конечно, – ответил тот. – Я видел, как он стрелял по доку.
- Похоже, никто не получил ни царапины.
- Все прошло так, как ты запланировал, – подтвердил Нико.

Сердце Сонни по-прежнему несло вскачь, однако мыслями он уже переключился на подсчет денег. Длинный кузов грузовика был заставлен высокими штабелями ящиков с канадским виски. Сонни прикинул: товар потянет тысячи на три, плюс-минус. И еще то, что можно будет выручить за сам грузовик.

Словно прочитав его мысли, Нико сказал:

- Как ты думаешь, сколько мы получим?
- Надеюсь, сотен по пять на брата, – сказал Сонни. – Все будет зависеть...

Рассмеявшись, Нико сказал:

- Я до сих пор не истратил свою долю за предыдущее дело. Деньги спрятаны в матрасе.
- В чем дело? – удивился Сонни. – Ты не нашел дамочек, на которых их потратить?
- Мне нужна настоящая искательница сокровищ, – сказал Нико. Посмеявшись над своей шуткой, он умолк.

Многие девчонки утверждали, что Нико похож на Тайрона Пауэра¹⁷. В выпускном классе школы у него был большой роман с Глорией Салливан, но затем ее родители заставили ее порвать с ним, решив, что он итальянец. И даже когда Глория объяснила им, что он грек, это ничего не изменило. Она по-прежнему не могла с ним встречаться. С тех пор Нико больше не интересовался девчонками.

– Давайте завтра все вместе отправимся к Джуку, – предложил Сонни, – и найдем там классных девочек, на которых не жалко потратить бабки.

Нико улыбнулся, но ничего не сказал.

У Сонни мелькнула было мысль сказать Нико, что у него бо́льшая часть его доли за предыдущее дело также все еще лежит в матрасе, что было правдой. Налет на кассу принес

¹⁷ Пауэр, Фредерик Тайрон Эдмонд (1869–1952) – известный американский актер театра и кино английского происхождения.

больше семи «кусков», чуть меньше тысячи двухсот на брата, достаточно, чтобы напугать ребят до смерти и заставить их залечь на дно на несколько месяцев. И в то же время, куда Сонни мог потратить свои деньги, черт побери? Он уже купил себе машину и целый ворох классной одежды, и все равно у него, по его прикидкам, оставалось несколько тысяч наличными. Впрочем, он их не считал. Вид денег не доставлял ему удовольствия. Сонни спрятал бабки в матрац, а когда они ему требовались, просто доставал сколько нужно. Такое крупное дело, как взятие кассы, потребовало нескольких недель тщательного планирования, от которого раскалывалась голова, ну а сама ночь ограбления явилась для Сонни чем-то вроде Рождества, когда он был маленьким, – однако ему совсем не понравился последовавший за нею шум. На следующий день ограбление попало на первые страницы «Нью-Йорк америкен» и «Миррор», и на протяжении нескольких недель все только о нем и говорили. Сонни испытал некоторое облегчение только тогда, когда пошли слухи, будто за этим стоит банда Голландца Шульца. Он старался не думать о том, что будет, если отец прознает, чем он занимается. И все же иногда он отчетливо представлял себе это – и прикидывал, что скажет отцу. «Ну же, пап, мне прекрасно известно, чем занимаешься ты сам». Сонни постоянно репетировал разговор с отцом. Он ему скажет: «Папа, я уже взрослый!» Скажет: «Папа, это я спланировал налет на кассу в Тайдуотере! Ты должен признать, что все было сделано чисто!» Сонни придумывал массу доводов в защиту своей позиции, но ему никак не удавалось определить, что скажет в ответ отец. Он лишь представлял себе его взгляд, каким отец смотрел на него, когда был им недоволен.

– Это было что-то! – сказал Нико. Всю дорогу он молчал, не мешая Сонни вести грузовик по Бронксу. – Ты видел, как тот тип прыгнул в воду с причала? Господи! – Нико рассмеялся. – Он поплыл, как Джонни Вайсмюллер¹⁸!

– Это который? – спросил Сонни. Они уже были на Парк-авеню, в нескольких кварталах от места назначения.

– Тип, что сидел рядом с водителем, – сказал Нико. – Ты не видел? Услышав выстрелы, он подбежал к причалу, потом раз – и сиганул в воду! – От смеха Нико согнулся пополам.

– А ты видел братьев Ромеро? – в свою очередь спросил Сонни. – Казалось, им никак не удавалось удержать «масленки» в руках. Они словно плясали с ними.

Кивнув, Нико перестал смеяться и вздохнул.

– Готов поспорить, от отдачи они все в синяках.

Сонни свернул с Парк-авеню на тихую боковую улочку, притормозил у тротуара перед подъемными воротами склада, и Корк остановился рядом.

– Пусть говорить будет Корк, – сказал Сонни, обращаясь к Нико, после чего выбрался из кабины, сел в «Нэш» Корка и уехал.

Анджело и Винни в ожидании стояли на тротуаре. Встав на подножку грузовика, Корк сказал Нико:

– Рядом с дверью звонок. Нажми кнопку быстро три раза, выжди секунду и дай еще три коротких звонка. После чего возвращайся в кабину.

– Это что, тайный пароль?

– А ну, ради всего свято-ого, Нико, – сказал Корк, по-ирландски растягивая слова, – просто позвони, твою ма-ать. Я устал.

Позвонив в дверь, Нико направился обратно к грузовику, а Корк уселся за руль. Дождь, грозивший начаться на протяжении всей ночи, наконец закапал легкой моросью. Обходя грузовик спереди, Нико поднял воротник куртки. У него за спиной стальные ворота поднялись вверх, выплескивая на улицу свет. Посреди гаража стоял подбоченившись Лука Брази, одетый так, словно собирался отправиться на званый ужин, хотя времени уже был час ночи. Он был

¹⁸ Вайсмюллер, Джонни (1904–1984) – американский пловец и киноактер, трехкратный олимпийский чемпион по плаванию, затем в течение 18 лет снимался в роли Тарзана.

высоченного роста, шесть футов три, а то и четыре дюйма, бедра его напоминали телеграфные столбы. Грудь и плечи, казалось, поднимались до самого подбородка, а массивная голова венчалась выступающими бровями, нависшими над глубоко посаженными глазами. В целом он напоминал неандертальца, одетого в полосатый костюм-тройку, с серой фетровой шляпой, заливчатски заломленной набекрень. У него за спиной растянулись по гаражу Винни Ваккарелли, Поли Аттарди, Хукс Батталья, Тони Коли и Джоджо Диджорджио. Корк знал Хукса и Джоджо, живших в одном районе с ним, а об остальных был наслышан. Они были уличной шпаной в то время, когда сам он еще не ходил в школу. Всем сейчас должно было быть лет под тридцать, если учесть то, что Корк слышал о них еще с детского сада. Лука Брази был гораздо старше, лет сорока или около того. Все пятеро его подручных также были крепкие и мускулистые. Они стояли, засунув руки в карманы, прислонившись к стене или штабелю ящиков, или держали правую руку в кармане пиджака, или же стояли, скрестив руки на груди. Все были в фетровых шляпах с узкими или широкими полями, за исключением Хукса, который выделялся своим клетчатым «пирожком» с плоской круглой тульей.

– Твою мать, – пробормотал Нико, глядя на тех, кто стоял в гараже. – Ну почему с нами нет Сонни?

Опустив стекло, Корк знаком показал Винни и Анджело встать на подножки.

– Говорить буду я, – сказал он им, когда они подошли к грузовику.

Он завел двигатель и въехал в гараж.

Двое ребят Луки закрыли ворота. Корк вышел из кабины и присоединился к Винни и Анджело. Нико обошел вокруг машины и встал позади них. Гараж был ярко освещен свисающими с потолка лампами, бросавшими пятна света на залитый маслом и растрескавшийся бетонный пол. Тут и там громоздились штабеля коробок и ящиков, но в основном гараж был пуст. Откуда-то сверху доносились булькающие звуки воды, текущей по трубам. В дальней части имелся закуток, отгороженный стеклянной стенкой, по-видимому, контора. Свет отражался от белых жалюзи, закрывающих окно. Лука Брази подошел к грузовику сзади, и его люди собрались вокруг него. Опустив задний борт, Лука забросил наверх брезент и обнаружил Стиви Дуайера, который втиснулся между ящиками с виски, целясь в него из пистолет-пулемета.

Лука даже бровью не повел, но все его люди выхватили оружие.

– Ради бога, Стиви, – крикнул Корк, – опусти ствол!

– Проклятие, – ответил Стиви, – здесь нет места, чтобы его опустить.

– Ну, тогда направь его в пол, долбаный кретин! – крикнул Хукс Батталья.

Поколебавшись мгновение, Стиви направил дуло себе под ноги.

– Вылезай из машины, – приказал Лука.

Стиви прыгнул из кузова, по-прежнему улыбаясь и сжимая пистолет-пулемет. Как только его ноги оказались на полу, Лука одной мясистой лапищей схватил его за шиворот, другой вырвал у него «томпсон». Прежде чем Стиви успел опомниться, Лука перехватил пистолет-пулемет из правой руки в левую, швырнул его Джоджо и нанес прямой удар в челюсть, отбросивший Стиви в объятия Корка. Мотнув головой, тот попытался удержать равновесие, однако ноги подогнулись под ним, и Корку снова пришлось его подхватывать.

Лука и его банда молча наблюдали за этим.

Корк передал Стиви в руки Нико, который подошел к нему сзади вместе с остальными ребятами.

– Кажется, у нас была договоренность, – сказал Корк, обращаясь к Луке. – Неужели начинаются неприятности?

– Никаких неприятностей не ожидается, – сказал Лука, – если только полоумные ирландцы не будут тыкать в меня стволами.

– Стиви просто не подумал, только и всего, – примирительно произнес Корк. – Он не собирался сделать ничего плохого.

– Этот долбаный итальяшка выбил мне зуб! – у него за спиной выкрикнул Стиви.

Повернувшись к нему, Корк произнес негромко, но так, чтобы услышали все:

– Заткнись, твою мать. Иначе я сам тебя пришью.

Губа у Стиви была рассечена и уже начинала уродливо распухать. Подбородок был вымазан кровью, стекающей на воротник рубашки.

– Не сомневаюсь в этом, – бросил Стиви Корку, и в его голосе безошибочно прозвучало: «Мы с тобой оба ирландцы, и ты идешь против своих!»

– Пошел на хер! – зловеще прошептал Корк. – Заткнись, блин, и дай нам сделать дело.

Обернувшись, он обнаружил, что Лука внимательно наблюдает за ним.

– Мы хотим получить три тысячи, – сказал Корк. – Это канадский виски, высший сорт.

Мельком взглянув на грузовик, Лука сказал:

– Я дам вам тысячу.

– Это несправедливая цена, мистер Брази, – сказал Корк.

– Кончай эту фигню с мистером Брази, малыш, лады? Мы занимаемся делом. Я для тебя Лука. А тебя ведь зовут Бобби, так?

– Верно, – подтвердил Корк.

– У тебя симпатичная сестра, Эйлин. У нее хлебная лавка на Одиннадцатой.

Корк молча кивнул.

– Вот видишь, – продолжал Лука. – Мы с тобой впервые обменялись парой слов, но я знаю о тебе все. И знаешь, почему? Потому что моим ребятам все про вас известно. Хукс и остальные, они за вас поручились. Иначе мы бы не работали вместе. Ты все понял?

– Да, – сказал Корк.

– А что ты знаешь обо мне, Бобби? – спросил Лука.

Корк посмотрел ему в глаза, пытаясь понять, что у него на уме. Но ничего не понял.

– Мало что, – признался он. – Если честно, я о вас почти ничего не знаю.

Лука оглянулся на своих людей, и те рассмеялись. Он прислонился к кузову грузовика.

– Видишь, вот как я предпочитаю вести дела. Я знаю о тебе все. Ты не знаешь обо мне ничего.

– И все равно один «кусок» – это нечестно.

– Да. Нечестно, – согласился Лука. – Наверное, честно было бы две с половиной тысячи. Но вся беда в том, что вы украли этот виски у Джузеппе Марипозы.

– Вы это знали, – сказал Корк. – Я с самого начала предупредил Хукса и Джоджо.

– Точно, – сказал Лука. Он скрестил руки на груди, наслаждаясь собой. – И Джоджо и ребята не обидели вас в те два прошлых раза, когда вы прибрали к рукам кое-какое «бухло» Марипозы. С этим у меня никаких проблем. Джузеппе мне не нравится, – добавил он, и его ребята заулыбались. – Но сейчас, – продолжал Лука, – до меня дошли слухи, что Джузеппе очень рассердился. Он хочет знать, кто тырит у него виски. И собирается оторвать этому наглецу яйца.

– Ваши ребята обещали, что, если мы будем иметь дело с вами, вы нас не выдадите, – сказал Корк. – Таков был уговор.

– Я все понимаю, – сказал Лука, – и я держу свое слово. Но мне придется иметь дело с Марипозой. Рано или поздно. Он знает, что это я покупаю краденый виски. Так что рано или поздно мне придется иметь с ним дело. Вот почему я хочу получить большой навар. – Видя, что Корк ничего не говорит, Лука добавил: – Это ведь мне приходится больше рисковать.

– А что насчет того, как пришлось рисковать нам? – крикнул Стиви. – Это мы побывали под пулями!

– Я же сказал тебе заткнуться, – даже не оглянувшись на него, сказал Корк.

Лука одарил его великодушной улыбкой, показывая, что он понимает, как трудно иметь дело с крестинами.

– Я веду дело, а это очень непросто, когда начинаются настоящие неприятности. – Лука указал на грузовик. – Но я вам вот что скажу, ребята. Что вы собираетесь делать с этой колыхагой?

– У нас уже есть на нее покупатель, – сказал Корк.

– И сколько он вам за нее дает? – Лука направился вокруг машины, разглядывая ее. Это была последняя модель «Форда». На деревянных стойках борта еще сохранился лак.

– Пока что не знаем, – сказал Корк.

Обойдя грузовик кругом, Лука остановился перед Стиви Дуайером.

– Пулевых отверстий нет, – сказал он. – Полагаю, все эти бандиты, стрелявшие в вас, были мазилами.

Стиви отвел взгляд.

– Я даю вам за грузовик полторы тысячи, – сказал Лука, обращаясь к Корку. – С «куском» за виски это будут те самые две с половиной тысячи, которые вы хотели.

– Мы хотели три тысячи, – сказал Корк. – За один только виски.

– Что ж, ладно, – сказал Лука. – Три тысячи. – Он положил руку Корку на плечо. – Ты вынуждаешь меня переплачивать.

Оглянувшись на ребят, Корк снова повернулся к Луке.

– Пусть будет так, три тысячи, – сказал он, радуясь тому, что все закончено.

Лука указал на Винни Ваккарелли.

– Отсчитай им деньги. – Обняв Корка за плечо, он повел его в контору, бросив остальным: – Мистер Коркоран сейчас к вам вернется. Я хочу кое о чем с ним переговорить.

– Ребята, ждите меня в конце квартала, – сказал Корк Нико.

Проводив Корка в контору, Лука закрыл за ним дверь. Пол был застелен ковром, письменный стол из красного дерева был завален бумагами. В противоположных углах перед столом стояли два больших мягких кресла, а вдоль стен из голого неотделанного бетона выстроилось с полдюжины черных стульев. Окна отсутствовали. Указав на кресло, Лука предложил Корку сесть. Обойдя за стол, он вернулся с коробкой сигар «Медалист» и угостил своего гостя.

Поблагодарив его, Корк убрал сигару в карман рубашки.

– Послушай, – сказал Лука, пододвигая стул и усаживаясь напротив Корка. – Мне глубоко наплевать на тебя и твоих ребят. Я просто хочу, чтобы ты кое-что уяснил. Во-первых, тот человек, у которого вы воруете виски, когда он узнает, кто этим занимается, он убьет вас всех до одного.

– Вот почему мы работаем с вами, – сказал Корк. – До тех пор пока вы будете о нас молчать, Марипоза ничего не узнает.

– Почему ты так уверен, что вас никто не опознает?

– Нас никто не знает. В прошлом году мы еще учились в школе.

Лука долго молчал, разглядывая его.

– Ты неглуп, – наконец сказал он, – но ты упрям, а я не твоя мамаша. Я выложу тебе все напрямую. Если вы будете заниматься этим и дальше, вы отправитесь на тот свет. Ну а я? Марипоза мне не нравится, и я его не боюсь. Если вы хотите и дальше его грабить, я буду с вами работать. Однако отныне говорить я буду только с тобой. Я больше не хочу видеть эти рожи, особенно того придурка с «томми». Договорились?

– Договорились. – Встав, Корк протянул Луке руку.

Тот открыл перед ним дверь.

– Я дам тебе еще один совет, Коркоран. Выбросьте кеды. Профессионалы такие не носят.

– Хорошо, – согласился Корк, – обязательно выбросим.

Лука указал на боковую дверь.

– Оставь ее приоткрытой, – сказал он и снова скрылся в конторе.

Хукс стоял на улице вместе с остальными ребятами Брази, слушая, как Поли Аттарди рассказывает анекдот. Они курили сигареты и сигары. Корк остановился поодаль и стал ждать. Его ребят нигде не было видно. Фонарь на углу не горел, и единственный свет проникал на улицу из приоткрытой двери. Дождь превратился в промозглый туман. Рассказав анекдот, Поли был вознагражден взрывом хохота. Отпив глоток из серебряной фляжки, он пустил ее по кругу.

Отделившись от группы, Хукс подошел к Корку и дружески потрепал его по плечу, затем, схватив за руку, отвел в сторону.

– Ну как, босс поговорил с тобой?

– По-моему, не такой уж он и страшный, – ответил Корк. – Конечно, большой, это у него не отнимешь.

Хукс ответил не сразу. Хотя ему было лет под тридцать, лицо у него оставалось детским. Из-под шляпы-«пирожка» выбивались несколько прядей золотисто-каштановых волос.

– Что он тебе сказал?

– Дал дельный совет, – сказал Корк.

– Вот как? – Хукс просунул руку за ремень брюк. – Случайно он не посоветовал быть поосторожнее, поскольку если Марипоза узнает правду, он убьет вас?

– Что-то в таком духе.

– Что-то в таком духе, – повторил Хукс. Положив руку Корку на плечо, он отвел его в тень. – Я тебе кое-что скажу, – продолжал он, – потому что Джимми был моим близким другом. Начнем с того, что Лука Брази психопат. Ты знаешь, что это такое?

Корк молча кивнул.

– Знаешь? – спросил Хукс. – Точно?

– Да, – подтвердил Корк, – я знаю, что такое психопат.

– Ну, хорошо, – усмехнулся Хукс. – Итак, Лука Брази психопат. Пойми меня правильно. Я с этим типом с четырнадцати лет, и я ради него шагну под пулю, но от правды никуда не деться. В нашем деле быть психопатом не так уж и плохо. Но ты должен понимать, что Лука так любезен с вами только потому, что ненавидит Марипозу. Ему нравится, что вы делаете Джо подлянку. Нравится, что Джо из-за вас лезет на стену. Понимаешь, вот как обстоит дело. – Он помолчал, словно стараясь подобрать нужные слова. – Лука посредник, все это знают, а поскольку Джо до сих пор никак на это не отреагировал, получается вроде бы так... ну, не знаю, как будто Лука такой человек, с которым никто не хочет связываться, даже Марипоза. Понимаешь? Так что вы, ребята, с его точки зрения, оказываете ему услугу.

– В таком случае, в чем же проблема? – спросил Корк.

– Проблема в том, Бобби, – продолжал Хукс, – что из-за вас рано или поздно нас убьют. – Он помолчал для большего эффекта. – Луке, поскольку он такой, какой есть, на это насрать. Но мне не хочется умирать, Бобби. Понимаешь?

– Если честно, даже близко не понимаю, – признался Корк.

– Постараюсь изложить все как можно яснее, – сказал Хукс. – Держитесь подальше от товара Марипозы. А если вам вздумается снова украсть у него, держитесь подальше от нас. Теперь понял?

– Конечно, – сказал Корк, – но отчего такая перемена? Ведь раньше мы...

– Раньше я оказывал услугу младшему братишке жены Джимми. Марипоза сейчас воюет с Лаконти, и я рассудил: кто обратит внимание на две партии товара, потерявшихся в этой суматохе? А если кто-то и обратит, все спишут на Лаконти. Однако все получилось совсем не так. Сейчас дело обстоит вот как: Джо знает, что кто-то ворует у него товар, ему это не нравится, и кто-то должен за это заплатить. Пока что никто вас не знает. Если ты действительно такой умный, как я о тебе наслышан, вы и дальше не будете высовываться. – Отступив назад,

Хукс развел руками. – Яснее я выразиться не могу. Не валяйте дурака. Держитесь подальше от Марипозы. И, что бы ни случилось, держитесь подальше от нас.

– Ну хорошо, – сказал Корк. – Ладно. Но что если Лука сам обратится ко мне? Что если он захочет...

– Этого не случится, – перебил его Хукс. – Можешь не беспокоиться.

Достав из кармана пачку «Лаки страйк», он угостил Корка. Тот взял одну сигарету, Хукс дал ему прикурить, затем закурил сам. Остальные ребята Брази вернулись в гараж.

– Как поживает Эйлин? – спросил Хукс. – Джимми был отличным парнем. Как малышка? Вечно забываю, как ее зовут?

– Кейтлин, – подсказал Бобби. – У нее все в порядке.

– А у Эйлин?

– Тоже, – сказал Бобби. – Она стала немного потверже, чем была раньше.

– А ты как думал, легко ли овдоветь, когда тебе нет еще и тридцати? Передай ей от меня привет, – сказал Хукс, – и скажи, что я не прекратил поиски того козла, который убил Джимми.

– Это была война, – пробормотал Бобби.

– Вздор! – воскликнул Хукс. – Я хочу сказать, это действительно была война, – добавил он, – но его убил один из подручных Марипозы. Ты просто скажи своей сестре, что друзья не забыли Джимми.

– Обязательно скажу.

– Ладно. – Оглядевшись по сторонам, Хукс спросил: – Куда подевались твои ребята?

– Должны ждать за углом, – сказал Корк. – Фонарь не горит, и ничего не видно.

– Кто отвезет вас назад?

Корк ничего не ответил, и Хукс, рассмеявшись, похлопал его по плечу и вернулся в гараж.

Корк медленно пошел по тротуару, двигаясь в темноте на звуки голосов. Дойдя до угла, он увидел красные огоньки двух сигарет и, подойдя ближе, обнаружил Сонни и Нико, сидящих на крыльце деревянного ларька. У них за спиной возвышался многоэтажный жилой дом, погруженный в темноту. Туман снова перешел в морось, и на шапке Нико повисли капли дождя. Сонни был с непокрытой головой. Он провел рукой по волосам, смахивая воду.

– Что вы тут делаете, сидя под дождем?

– Надоело слушать нытье Стиви, – сказал Нико.

– Он все жалуется, что нас надули. – Встав, Сонни повернулся спиной к машине, стоявшей напротив. – Говорит, что нас ограбили.

– Да, нас ограбили, – сказал Корк.

Он уставился поверх плеча Сонни вдоль улицы. В салоне машины двигались красные огоньки сигарет, описывая петли и завитки. Окна были приоткрыты, и над мокрой от дождя крышей поднимались струйки дыма.

– Грузовик был практически новый, – продолжал Корк. – Мы запросто могли выручить на пару тыщенок больше.

– Ну и? – произнес Сонни тоном, подразумевающим: «Так почему же мы этого не сделали?»

– Что ты хочешь? – спросил Корк. – Позвать фараонов?

Сонни рассмеялся, а Нико сказал:

– В чем-то Брази прав. Это ему предстоит иметь дело с Марипозой. По мне, лучше получить поменьше денег, но пожить подольше.

– Брази ведь никому не говорил про нас, правильно? – спросил Сонни.

– Да, не говорил, – подтвердил Корк. – Давайте уйдем с дождя.

Как только Сонни захлопнул дверь и завел двигатель, Стиви Дуайер сказал:

– Ты говорил с ним насчет денег?

Остальные молчали, ожидая услышать, что скажет Сонни.

– Стиви, о чем он должен был со мной поговорить? – сказал Корк.

Он сел спереди, и ему пришлось обернуться, чтобы посмотреть назад.

Сонни тронулся.

– Что тебя гложет? – спросил он у Стиви.

– Что меня гложет? – Сорвав с головы шапку, Стиви хлопнул ею по колену. – Нас ограбили – вот что меня гложет! Один только этот грузовик стоил три «куска»!

– Конечно, если продавать его в открытую, – возразил Корк. – Но кто купит машину без документов?

– Не говоря уж о том, – добавил Нико, – что покупатель рискует получить пулю в голову, если кто-нибудь из людей Марипозы увидит его за рулем этого грузовика.

– Верно подмечено, – согласился Сонни.

Закурив, Корк чуть опустил стекло, выпуская дым на улицу.

– Мы сработали отлично, – сказал он Стиви, – особенно если учесть, что мы были не в том положении, чтобы ставить свои условия. Все козыри были на руках у Луки. Никто, кроме него, не купит у нас «бухло» Марипозы. Никто. И он это прекрасно знает. Лука мог предложить нам полтора доллара, и мы вынуждены были бы согласиться.

– А, фигня, – пробормотал Стиви.

Нахлобучив шапку на голову, он откинулся назад.

– Ты злишься, потому что Лука врезал тебе по морде.

– Да! – крикнул Стиви, и его крик прозвучал подобно взрыву. – А где, черт побери, были все мои кореша? – Он обвел салон безумным взглядом. – Черт побери, где вы были, ребята?

Анджело, наверное, самый спокойный из всех, повернулся лицом к Стиви.

– И что же, по-твоему, мы должны были сделать? – сказал он. – Затеять перестрелку?

– Вы могли бы вступить за меня! – бушевал Стиви. – Могли бы сделать хоть что-нибудь!

Сдвинув шапку на затылок, Корк почесал голову.

– Ну же, Стиви, – сказал он, – пошевели мозгами.

– Сам пошевели мозгами! – огрызнулся Стиви. – Ты долбаный обожатель «макаронников» и разных прочих итальяшек!

На мгновение в машине воцарилась тишина. Затем все разом рассмеялись – все, кроме Стиви. Хлопнув руками по рулевому колесу, Сонни крикнул Корку:

– Ты долбаный обожатель «макаронников» и разных прочих итальяшек!

Протянув руку, он схватил Корка и встряхнул его.

Винни Ромеро хлопнул Корка по плечу.

– Долбаный обожатель «макаронников»!

– Смейтесь, смейтесь, – раздраженно пробормотал Стиви, отворачиваясь к окну.

Остальные последовали его совету, и машина покатила по улицам, сотрясаясь от хохота. Один лишь Стиви молчал. А также Нико, внезапно вспомнивший Глорию Салливан и ее родителей. Он тоже не смеялся.

Вито полистал толстую пачку планов застройки земельного участка на Лонг-Айленде. Ослабив узел галстука, он изучил поэтажные планы, мысленно представляя себе обстановку всех комнат своего будущего дома. На улице, согласно его замыслам, должны были разместиться цветник и огород с овощами. В трущобах Нью-Йорка, в садике размером с почтовую марку за своим прежним домом, в те дни, когда он еще начинал свой бизнес по торговле оливковым маслом, Вито в течение нескольких лет ухаживал за инжирным деревом, до тех пор пока его едва не погубил особенно сильный мороз. Однако затем долгие годы он угощал своих друзей инжиром, и те поражались, узнав, что выращены эти плоды здесь, в городе, на клочке земли за домом. Время от времени Вито водил кого-нибудь из друзей во двор и с гордостью показывал дерево, коричневыми ветвями и зелеными листьями прижимающееся к красной

кирпичной стене, протянувшее глубоко под здание корни, которые прижимались к подвалу и теплу расположенной там котельной. Он поставил во дворе стол и несколько складных кресел, и Кармелла выносила бутылку граппы, хлеб и оливковое масло, иногда сыр и помидоры – все то, что было дома, – и готовила закуски для гостей. Частенько она присоединялась к ним вместе с детьми, и пока дети играли во дворе, Кармелла в который раз зачарованно слушала, как Вито объяснял гостям про то, как он каждый сентябрь после уборки урожая инжира тщательно укутывает ствол мешковиной и оборачивает брезентом, готовя к надвигающейся зиме.

Нередко, даже осенью и зимой, Вито после работы заглядывал во двор, чтобы проведать инжирное дерево, перед тем как пройти в дом. Во дворе было тихо, и хотя он принадлежал всему дому, остальные жильцы уступили его Вито, не дожидаясь, когда тот их об этом попросит. Ни разу за все то время, что он прожил в этом убогом районе, среди грохота товарных составов, проезжающих по улицам, и шума автомобильных двигателей, под крики старьевщиков, продавцов мороженого, уличных торговцев и точильщиков, – ни разу за все то время, что Вито прожил в этом шумном месте, он не видел, чтобы кто-нибудь чужой сидел за его столом, рядом с его инжирным деревом. В августе, когда под зеленой листвой созревали первые плоды, Вито по утрам оставлял на площадке первого этажа деревянную миску, наполненную сочным инжиром, и после того как к обеду миска пустела, Кармелла приносила ее на кухню. Первый инжир сезона он оставлял себе. Кухонным ножом Вито вскрывал бордовую кожицу, добираясь до светло-розовой мякоти. На Сицилии такой сорт инжира называли тарантеллой. В памяти Вито сохранился сад инжирных деревьев за домом, целый лес, и когда созревал новый урожай, он со своим старшим братом Паоло ел инжир словно леденцы, набивая желудок сладкими, сочными фруктами.

Это были самые дорогие детские воспоминания. Вито закрывал глаза и видел себя маленьким мальчиком, идущим следом за отцом ранним утром, с первыми лучами солнца, когда отец отправлялся на охоту, перекинув через плечо свою lupara¹⁹. Он помнил трапезы за грубо сколоченным столом; отец неизменно во главе стола, мать за противоположным концом, они с Паоло – друг напротив друга, лицом к лицу. У Паоло за спиной застекленная дверь, а за стеклом сад – с инжирными деревьями. Вито приходилось делать усилие, чтобы вызвать в памяти лица родителей; даже Паоло он помнил плохо, несмотря на то, что все годы своей жизни на Сицилии таскался за ним, как щенок. С годами эти образы поблекли, и даже хотя он не сомневался в том, что мгновенно их узнает, когда они воскреснут из мертвых и встанут перед ним, в воспоминаниях они оставались для него нечеткими. Но Вито слышал голоса своих родных. Слышал, как мать зовет их с братом: «Паоло! Вито!» Он помнил, как беспокоило мать то, что он почти ничего не говорил, ограничиваясь пожатием плеч и словами «non so perché». Вито сам не мог сказать, почему говорил так мало. Он слышал голос отца, рассказывающего ему вечером сказку у очага. Слышал, как смеется над ним Паоло в тот день, когда он заснул за обеденным столом. Помнил, как открывает глаза, разбуженный смехом Паоло, и понимает, что его голова лежит на столе рядом с тарелкой. У него сохранилось множество подобных воспоминаний. Частенько, после жестокой мерзости, обусловленной его работой, Вито сидел в одиночестве в своем крошечном садике, в холоде Нью-Йорка и Америки, и вспоминал свою семью, Сицилию.

Но были также и воспоминания, которые ему хотелось навсегда прогнать. Самыми страшными были образ матери, отлетающей назад, раскинув руки, и отголоски ее последних в этой жизни слов, повисших в воздухе: «Вито, беги!» Он помнил похороны отца. Помнил, как шел рядом с матерью, обнимающей его за плечо, и как при звуках выстрелов, донесшихся со стороны гор, носильщики выронили гроб с телом отца и разбежались прочь. Помнил, как мать стояла перед мертвым телом Паоло, который попытался проследить за погребальной процес-

¹⁹ Лупара – обрез охотничьего ружья; оружие, широко распространенное на Сицилии.

сией, прячась в зарослях на склонах гор. А дальше следовали нахлестнувшие друг на друга сцены: его мать заливается слезами, стоя на коленях над телом Паоло, и вот уже они с ней идут по вымощенной гравием дорожке в имении дон Чиччо, мать держит его за руку и тащит за собой. Дон Чиччо сидел за столом, а перед ним стояла ваза с апельсинами и стеклянный кувшин с вином. Стол был маленький, круглый, из дерева, с толстыми гнутыми ножками. Дон Чиччо был грузным мужчиной с усами и родинкой на правой щеке. Яркий солнечный свет заливал его жилет и белую рубашку с длинным рукавом. Полоски жилета сходились к середине, образуя буквы «V». Золотая цепочка от часов, свисающая из кармашка, описывала на животе полукруг. Позади виднелись две массивных каменных колонны и кованая чугунная решетка, вдоль которой расхаживал один из телохранителей с ружьем за плечом. Вито помнил все это отчетливо, в мельчайших подробностях: то, как мать умоляет пощадить единственного оставшегося в живых сына, то, как дон Чиччо отвечает отказом, потом его мать в резком движении опускается на колени, достает из-под черного платья нож и приставляет его к горлу дон Чиччо, звучат ее последние слова: «Вито, беги!» Затем прогремел выстрел из ружья, и мать отлетела назад, раскинув руки.

Эти воспоминания Вито хотелось навсегда прогнать. Четырнадцать лет назад, когда Вито избрал для себя этот путь, убив дон Фануччи, еще одного жирного борова, который пытался заправлять своим маленьким уголком Нью-Йорка так, словно это была сицилийская деревушка, его друзья решили, что он не знает страха и безжалостен к своим врагам. И Вито не стал их в этом разубеждать. Наверное, в каком-то смысле это соответствовало действительности. Однако на самом деле ему захотелось убить Фануччи, как только он впервые его увидел, и он нашел в себе решимость сделать это, когда понял, какую выгоду это ему принесет. Он не испытал ни одного мгновения страха. Вито подкараулил Фануччи в темном подъезде его дома; звуки улицы, музыка и шум фейерверка в честь праздника святого Джэннаро заглушались толстыми кирпичными стенами здания. Чтобы скрыть звук выстрела, Вито обмотал дуло револьвера полотенцем, и полотенце вспыхнуло, когда он выпустил первую пулю в сердце Фануччи. Когда тот распахнул пиджак, словно в поисках надоедливой пули, Вито выстрелил еще раз, на этот раз в лицо, и пуля вошла чисто, оставив только маленькую круглую дырочку под скулой. Только после этого Фануччи наконец повалился на пол, и Вито, сорвав тлеющее полотенце с револьвера, засунул дуло Фануччи в рот и всадил последнюю пулю ему в мозг. При виде Фануччи, безжизненной кучей застывшего у дверей собственной квартиры, Вито ощутил только удовлетворение. Хотя логика рассудка не понимала, каким образом убийство Фануччи может отомстить за смерть его родных, логика сердца все поняла.

И это явилось началом. Следующим человеком, которого убил Вито, стал сам дон Чиччо. Вито вернулся на Сицилию, в свою родную деревушку Корлеоне, и выпотрошил ублюдка, как свинью.

И вот сейчас Вито сидел в кабинете своих просторных апартаментов, сам дон, и разглядывал чертежи своего собственного земельного участка. Внизу опять ссорились Фредо и Майкл. Сняв пиджак, Вито повесил его на спинку кресла. Когда ребята перестали кричать, он снова занялся чертежами. Затем Кармелла прикрикнула на детей, и те опять принялись вопить, каждый доказывая собственную правоту. Не успел Вито спуститься и до половины лестницы, как крики прекратились. Когда он вошел на кухню, Майкл и Фредо сидели за столом. Майкл читал учебник, Фредо ничего не делал – сидел, сложа руки перед собой. Под встревоженным взглядом Кармеллы Вито схватил сыновей за уши и потащил их в гостиную. Он присел на край плюшевого кресла у окна, продолжая крепко держать обоих за ухо.

Фредо принялся вопить «Папа! Папа!», как только отец схватил его за ухо, в то время как Майкл, как обычно, хранил молчание.

– Папа! – запричитал Фредо. – Майкл стащил у меня из кармана пятицентовик! – У него на глазах уже наворачивались слезы.

Вито посмотрел на Майкла. Младший сын напоминал ему его самого в детстве. Похоже, больше всего Майклу нравилось играть одному, и он говорил очень мало.

Встретившись взглядом с отцом, тот молча покачал головой.

Отвесив Фредо подбородок, Вито взял его за подбородок.

– Ну, монета была у меня в кармане! – в ярости завопил Фредо. – А теперь ее нет.

– Поэтому ты обвиняешь своего брата в воровстве?

– Ну, – сказал Фредо, – пятицентовик ведь пропал, папа, правда?

Вито крепче стиснул сыну подбородок.

– Я снова тебя спрашиваю, – сказал он, – ты обвиняешь своего брата в воровстве? –

Вместо ответа Фредо лишь молча отвел взгляд, и Вито отпустил его со словами: – Извинись перед Майклом.

– Прости меня, – натянуто промолвил Фредо.

Позади открылась входная дверь, и в прихожую вошел Сонни. Он был в комбинезоне, в котором работал в гараже; лоб и подбородок были измазаны машинным маслом. Кармелла, стоявшая в дверях кухни, бросила многозначительный взгляд на мужа.

Вито приказал младшим сыновьям подняться к себе наверх и до ужина не спускаться вниз; для Фредо это было наказание, в то время как Майкл все равно закрылся бы у себя в комнате и читал бы или занимался чем-либо еще. Когда Сонни вошел в гостиную, Вито сказал:

– И ты снова тащился через весь Бронкс, только чтобы принять ванну?

– Раз уж я здесь, я не буду иметь ничего против маминой стирки, – сказал Сонни. – К тому же, пап, если я хочу мыться у себя, мне приходится делать это на кухне.

Пройдя в комнату, Кармелла сняла фартук.

– Ты только посмотри на себя, – сказала она сыну. – Ты весь в машинном масле!

– Такое бывает, когда работаешь в автомастерской, ма. – Подойдя к матери, Сонни стиснул ее в объятиях. – Я сейчас приведу себя в порядок, – добавил он, повернувшись к Вито.

– Ты останешься на ужин? – спросила Кармелла.

– Конечно, ма, – ответил Сонни. – Что ты готовишь? – спросил он уже с лестницы, направляясь к себе в комнату.

– Телятина с овощами по-пармски, – ответила Кармелла.

– Ты хочешь проверить меню? – сказал Вито. – Посмотреть, все ли тебе нравится?

– Мне нравится все, что готовит мама, – обернувшись, ответил Сонни. – Верно, ма? – Не дожидаясь ответа, он поспешил наверх.

– Я с ним поговорю, – тихо сказал Вито, поднимаясь из кресла.

Достав из кармана жилета часы, он увидел, что времени без нескольких минут шесть. По пути к лестнице Вито включил радио и медленно покрутил ручку настройки. Отыскав выпуск новостей, послушал немного, затем продолжил поиски, надеясь найти итальянскую оперу. Новости были посвящены предстоящим выборам и независимым кандидатам – в частности, кандидату на должность мэра, большой шишке, выходцу из Неаполя, *pezzonovante*, который представлял себя как сторонника реформ. Когда Вито дошел до рекламы зубной пасты «Пепсодент» и последовавшего за ней спектакля «Эймос и Энди»²⁰, он задержался настолько, чтобы понять, что Эймос опять втянул приятеля в какую-то историю, после чего выключил радио и поднялся к Сонни в комнату. Он постучал, и Сонни приоткрыл дверь, выглянул в коридор, после чего открыл дверь до конца и воскликнул: «Пап!», судя по всему, удивленный тем, что отец стучит к нему в комнату. Он был с голым торсом, через плечо висело полотенце.

– Ну? – спросил Вито. – Я могу войти?

²⁰ «Эймос и Энди» – серия радиоспектаклей компании Эн-би-си о двух неграх, пускающихся на различные ухищрения в поисках заработка.

– Конечно, – поспешно сказал Сонни. – Что я натворил? – Полностью распахнув дверь, он отступил в сторону, пропуская отца в комнату.

Его комната была маленькая и простая: односпальная кровать у стены с распятием над деревянной спинкой, буфет, на полке пустая вазочка из граненого стекла для конфет на ножках; на двух окнах простые муслиновые занавески. Присев на кровать, Вито знаком предложил сыну закрыть дверь.

– Надень рубашку, – сказал он. – Я хочу с тобой поговорить.

– В чем дело, папа? – Достав из верхнего ящика буфета смятую рубашку, Сонни натянул ее на себя. – Что-нибудь случилось? – спросил он, застегиваясь.

Вито похлопал по кровати рядом с собой.

– Присаживайся, – сказал он. – Мать тревожится насчет тебя.

– Она тревожится из-за денег, – сказал Сонни, наконец понимая, в чем дело.

– Совершенно верно, – подтвердил Вито. – Она тревожится из-за денег. Ты не заметил пропажи пятидесяти долларов? Ты оставляешь пятидесятидолларовую купюру в кармане штанов и даже не спрашиваешь мать о ней?

– Мама отдала деньги Тому, папа. – Сонни подсел на кровать к отцу. – Том мне все рассказал. Если бы я решил, что потерял полтинник, то спрашивал бы по всему городу. Но поскольку я знаю, где деньги, зачем спрашивать?

– Сонни, откуда у тебя пятидесятидолларовая бумажка? – спросил Вито. – Это больше, чем ты зарабатываешь за две недели.

– Пап, а на что мне тратить деньги? Ем я в основном здесь. А квартира обходится мне совсем дешево.

Сложив руки на коленях, Вито молча ждал.

– Господи, – снова заговорил Сонни и, вскочив с кровати, повернулся к отцу спиной, затем опять развернулся лицом. – Ну хорошо, – сказал он. – В субботу вечером я играл в «Гринпойнте» в покер с поляками. – Защищаясь, Сонни повысил голос. – Это была дружеская игра, пап! Обычно я проиграю пару долларов, выиграю пару... Но тут я выиграл по-крупному. – Сонни хлопнул руками. – Пап, это всего лишь покер в субботу вечером!

– Значит, вот как ты поступаешь со своим заработком? Ты играешь в покер с какими-то поляками?

– Пап, я уже не маленький, – обиженно произнес Сонни.

– Ты уже не маленький, – повторил Вито. Он снова указал на кровать, предлагая сыну сесть. – Ты откладываешь деньги? Открыл счет в банке, как я тебе говорил?

Плюхнувшись на кровать рядом с отцом, Сонни устался в пол.

– Нет, – сказал Вито. Он ущипнул сына за щеку, и тот отшатнулся от него. – Послушай меня, Сантино. Люди сколачивают состояние в автомобильной промышленности. В ближайшие двадцать – тридцать лет... – Вито развел руками, показывая, что пределом может быть только небо. – Если ты будешь усердно работать, – продолжал он, – и я время от времени буду тебе немного помогать, к моим годам у тебя будет денег больше, чем я смел мечтать. – Он положил руку сыну на колено. – Тебе нужно усердно трудиться. Ты должен узнать это дело от самых корней. А в будущем ты сможешь нанять человека, который будет ухаживать за мной, когда я уже не смогу самостоятельно ходить в туалет.

Сонни откинулся на спинку кровати.

– Послушай, папа, – начал он, – я даже не знаю, создан ли я для этого...

– Для чего? – спросил Вито, сам удивившись прозвучавшей в его голосе резкости.

– Для того, чтобы тупо корячиться каждый день, – сказал Сонни. – Я вкальваю восемьдесят часов, чтобы заработать для Лео пятьдесят долларов, а он платит мне пятьдесят центов. Это работа для дураков, папа.

– Ты хочешь стать боссом? – спросил Вито. – Кто купил инструмент, ты или Лео? Кто платит за аренду гаража, ты или Лео? Что гласит вывеска над воротами, «Мастерская Сантино» или «Мастерская Лео»? – Сонни молчал, и Вито продолжал: – Посмотри на Тома, Сонни. Он открыл счет в банке, на котором уже отложено больше двухсот долларов. К тому же он проработал все лето, чтобы частично оплатить учебу в колледже. Том понимает, что нужно усердно потрудиться, если хочешь получить какие-то результаты. – Взяв сына за подбородок, он привлек его к себе. – Без упорного труда ты ничего не добьешься в жизни! Помни это, Сантино! – С покрасневшим лицом Вито поднялся с кровати. Открыв дверь, он оглянулся на сына. – Я больше не желаю слушать никакого вздора о том, что работа для дураков, *carisc*? Бери пример с Тома, Сантино.

Строго посмотрев на сына, Вито вышел из комнаты, оставив дверь открытой.

Сонни упал на кровать, ткнув кулаком воздух, словно это было лицо Тома. Что бы сказал папа, если бы узнал, что его драгоценный Том Хаген трахает ирландскую шлюху? Сонни очень хотелось бы это знать. Однако затем мысль о том, что Том влип в историю из-за телки Луки Брази, вызвала у него сначала улыбку, потом смех, прогоняя злость. Сонни лежал на спине, подложив руки под голову, с широкой ухмылкой на лице. Папа всегда ставил ему Тома в качестве примера – Том делает то, Том делает се, – однако никогда не возникало никаких вопросов о преданности и любви. Сонни был старшим сыном Вито. Для итальянца этим было сказано все.

Впрочем, Сонни все равно не мог подолгу злиться на Тома. В его сердце Тому навсегда суждено было остаться тем мальчуганом, которого он нашел сидящим на колченогом стуле прямо посреди улицы, куда домовладелец вышвырнул все его скудные пожитки. Мать Тома умерла за год до того от пьянства, а затем несколько недель назад исчез его отец. Вскоре после этого за Томом и его сестрой пришли из католического приюта, однако Том успел сбежать до их прихода, и на протяжении нескольких дней он околачивался на железнодорожной станции, ночуя в товарных вагонах и получая тумачи от сторожей, когда те его ловили. В районе все об этом знали, но люди были уверены, что отец Тома рано или поздно объявится, что он просто запил. Однако время шло, а он так и не объявлялся, и однажды утром домовладелец освободил квартиру, вышвырнув всю обстановку на улицу. К середине дня большую часть вещей разобрали, оставив только колченогий стул и кое-какое никому не нужное барахло. Это случилось, когда Сонни было одиннадцать лет. Том был на год старше его, но тощий, кожа да кости, и никто не давал ему больше десяти. Сонни, напротив, в свои одиннадцать выглядел скорее на четырнадцать.

В тот день вместе с ним был Майкл. Ему тогда было лет семь-восемь, и они возвращались из продовольственной лавки Нины на углу с сумкой с продуктами для обеда. Майкл первым увидел Тома и дернул Сонни за штанину.

– Сонни, смотри!

Оглянувшись, тот увидел мальчишку с мешком на голове, сидящего на колченогом стуле. Рядом стояли и курили Джонни Фонтане и Нино Валенти, двое соседских ребят постарше. Сонни пересек улицу, а Майкл снова подергал его за рубашку.

– Кто это? – спросил он. – Почему у него на голове мешок?

Сонни знал, что это Том Хаген, но он ничего не сказал. Остановившись перед Джонни и Нино, он поинтересовался, в чем дело.

– Это Том Хаген, – сказал Джонни. Это был худой симпатичный парень с густой копной черных волос, ниспадающих на лоб. – Ему кажется, что он слепнет.

– Слепнет? – удивился Сонни. – Почему?

– Его мать умерла, а отец... – начал Нино.

– Все это я знаю, – перебил его Сонни. – Почему он считает, что слепнет? – обратился он к Джонни.

– А я откуда знаю, Сонни, – ответил тот. – Спроси у него. – Затем он добавил: – Его мать перед смертью ослепла. Быть может, ему кажется, что он заразился от нее.

Нино рассмеялся, а Сонни сказал:

– Нино, ты думаешь, это смешно?

– Не обращай на него внимания, – сказал Джонни. – Он у нас придурок.

Сонни шагнул к Нино, и тот развел руками.

– Послушай, Сонни, я ничего такого не хотел...

Дернув брата за рубашку, Майкл сказал:

– Сонни, не надо. Пошли.

Смерив Нино взглядом, Сонни направился к Тому, и Майкл последовал за ним. Остановившись перед Томом, он спросил:

– Глупец, что ты делаешь? Зачем ты нацепил мешок на голову?

Том ничего не ответил, и Сонни стащил у него с головы мешок и увидел, что его глаза завязаны грязными бинтами. Из левого глаза сквозь бинты проступали гной и спекшаяся кровь.

– Черт побери, в чем дело, Том? – спросил Сонни.

– Я слепну, Сонни! – ответил Том.

До этого момента они почти не были знакомы друг с другом. Два-три раза обменялись парой слов, не больше; однако Сонни уловил в голосе Тома мольбу, словно они были закадычными друзьями и Том изливал ему свою душу. Он сказал: «Я слепну, Сонни!» так, будто полностью потерял надежду, но в то же время умолял о помощи.

– V'fancul'! – пробормотал Сонни.

Он описал небольшой круг по тротуару, словно этот маленький танец позволял ему выиграть пару секунд, которые ему требовались, чтобы подумать. Передав пакет с продуктами Майклу, Сонни сгреб Тома в объятия, прямо вместе со стулом, подхватил его и понес по улице.

– Что ты делаешь, Сонни? – спросил Том.

– Несу тебя к своему отцу, – ответил Сонни.

Что он и сделал. Майкл следовал за ним с широко раскрытыми глазами. Сонни принес Тома, вместе со стулом, к себе домой. Отец и Клеменца беседовали в гостиной. Сонни уронил стул перед отцом. Вито, славившийся своей выдержкой, казалось, едва не свалился в обморок.

Стащив мешок с головы Тома, Клеменца отшатнулся назад, увидев кровь и гной, проступающие сквозь бинты.

– Это кто? – спросил он у Сонни.

– Это Том Хаген.

Вошедшая в комнату Кармелла нежно прикоснулась Тому ко лбу. Запрокинув ему голову назад, она внимательно осмотрела его глаз.

– Infezione, – сказала она мужу.

– Зови доктора Молинари, – шепнул ей Вито таким голосом, словно у него пересохло в горле.

– Вито, что ты собираешься делать? – спросил Клеменца.

Вито поднял руку, предлагая ему умолкнуть.

– Мы о нем позаботимся, – сказал он, обращаясь к Сонни. – Это твой друг?

Задумавшись на мгновение, Сонни сказал:

– Да, папа. Он мне все равно что брат.

Ни тогда, ни теперь он не смог бы объяснить, почему так сказал.

Вито задержал на сыне взгляд, словно пытаясь проникнуть в его сердце. Затем он обнял Тома за плечо и повел его на кухню. Начиная с этой же самой ночи и в течение следующих пяти лет, до тех пор пока он не поступил в колледж, Том спал в одной комнате вместе с Сонни. Глаз у него зажил. Он поправился. В старших классах Том был как бы личным репетитором Сонни –

помогал ему самому находить решения, когда такое было возможно, предлагал готовые ответы, когда ничего другого больше не оставалось.

Том старался изо всех сил, чтобы порадовать Вито, – однако никакие его усилия не могли сделать его сыном Вито. И ничто не могло вернуть ему его родного отца. Вот почему Сонни не мог по-настоящему на него злиться, поэтому, а также в память о том дне, когда он нашел его на улице, сидящим на колченогом стуле с мешком на голове, когда Том сказал ему: «Я слепну, Сонни!», – это воспоминание жило в сердце Сонни, такое же живое, как будто все это случилось только вчера.

Из кухни песней донесся мамин голос:

– Сантино! Ужин почти готов! Почему я не слышу шума воды в ванной?

– Я спущусь через десять минут, ма! – крикнул в ответ Сонни.

Спрыгнув с кровати, он расстегнул рубашку, достал из шкафчика халат и накинул его на себя. Пошарив в глубине самой верхней полки, нашел задвинутую туда картонную коробку. Открыв коробку, достал новую темно-синюю фетровую шляпу и надел ее. Закрыв дверцу шкафчика, покрутился перед зеркалом на двери, любясь собой. Опустив поля на лоб, чуть сдвинул шляпу вправо. Улыбнувшись себе широкой улыбкой, открывшей ровные белоснежные зубы, бросил шляпу обратно в коробку и убрал ее на полку.

– Сантино! – окликнула его Кармелла.

– Уже иду, ма! – ответил Сонни, спеша выйти из комнаты.

Сразу после полуночи заведение Джука было заполнено щеголями в цилиндрах и смокингах и дамами, замотанными в шелка и меха. На сцене тромбонист, нацелив горловину своего инструмента в потолок, работал одной рукой кулисой, а другой – сурдинкой. Остальные музыканты подвывали ему джазовую версию «Она его обидела». Барабанщик подался вперед со своего насеста так, что едва не касался лицом малого барабана, и отбивал ритм, окутанный покрывалом своих личных звуков. На танцплощадке пары толкались друг с другом, смеялись и обливались потом, то и дело прикладываясь к серебристым или обернутым кожей фляжкам. По просторному залу между столиками сновали среди посетителей в дорогой одежде и дорогой обуви официанты с подносами, заставленными едой и напитками.

Сонни и Корк пьянствовали уже несколько часов вместе с Винни, Анджело и Нико. Стиви так и не появился, хотя все договорились отпраздновать успех последней операции у Джука. Винни и Анджело были в смокингах. Винни начинал вечер с волосами, аккуратно зачесанными с лица назад, но в разгар праздника, после обильного возлияния, ему на лоб уже ниспадали выбившиеся пряди. Нико и Сонни были в двубортных пиджаках с широкими лацканами и в атласных галстуках; у Нико галстук был ярко-зеленый, а у Сонни – темно-синий, в тон новой шляпе. Большинство женщин в заведении были за двадцать и старше, однако это не мешало ребятам танцевать с ними, и сейчас, к полуночи, все уже вспотели и находились в различной стадии опьянения. Ребята расстегнули воротники и ослабили узлы галстуков. Корк, одетый наиболее скромно из всех, в твидовом костюме-тройке и галстук-бабочке, был самым пьяным.

– Го-осподи, – протянул он, изрекая очевидное, – я наклюкался в зюю, господи! – С этими словами он уронил голову на стол.

– В зюю, – повторил Сонни, развеселенный этой фразой. – Как насчет того, чтобы заказать кофе?

Корк мгновенно выпрямился.

– Кофе? – Он вытащил из кармана фляжку. – Когда у меня еще остался первоклассный канадский виски?

– Эй ты, вороватый ирландец, – сказал Нико, – сколько бутылок ты заначил для себя?

– А, заткнись, долбаный «макаронник»-итальяшка! – пробормотал Корк.

С той ночи эта фраза повторялась снова и снова, неизменно вызывая дружный смех, и этот вечер у Джука не стал исключением. Но Винни Ромеро внезапно умолк, увидев Луку Брази, входящего в зал.

– Эй, ребята, – сказал он своим приятелям, – вы только посмотрите!

Лука вошел в зал в обнимку с Келли О’Рурк. Он был во фраке и полосатых брюках, с белой гвоздикой, приколотой к лацкану. Келли прижималась к нему, в облегающем бежевом вечернем платье, с одним обнаженным плечом. Бриллиантовая заколка в форме сердечка удерживала на бедре собранную складками ткань, образующую что-то вроде пояса. Лука и его спутница прошли следом за метрдотелем к столику в центре зала, рядом с оркестром. Заметив Корка и остальных ребят, тарачившихся на них, Лука кивнул им, сказал что-то метрдотелю, после чего провел Келли к их столику.

– Не верю своим глазам, – сказал он. – Неужели это банда в кедах?

Все ребята встали, и Лука пожал Корку руку.

– А это что за рожа? – спросил Лука, глядя на Сонни.

– Эта рожа? – сказал Корк, подталкивая Сонни. – Так, один болван, пьет за наш счет.

– Эй! – обиженно воскликнул Сонни. Он почесал голову, стараясь притвориться более пьяным, чем на самом деле. – А что такое банда в кедах?

– Не бери в голову, – сказал ему Корк. – Так, пустяки. – Он повернулся к Луке. – А это что за шикарная куколка?

– А тебе какое дело? – сказал Лука, делая вид, будто собирается ткнуть Корка кулаком в подбородок.

Назвав себя, Келли добавила:

– Я девушка Луки.

– Вот повезло собаке, – сказал Корк, глядя на Луку.

Келли обвила Луку руку, прижимаясь к нему, однако взгляд ее был устремлен на Сонни.

– Привет! – сказала она. – А ты, случайно, не друг того студента, Тома, как там его?

– Какого еще студента? – спросил у нее Лука, не дав Сонни возможность ответить.

– Просто студента, – ответила Келли. – В чем дело, Лука? Ты ведь не ревнуешь меня к какому-то студенту, правда? Ты же знаешь, что я твоя девушка. – Она положила голову ему на плечо.

– Я ни к кому тебя не ревную, – сказал Лука. – Ты же хорошо меня знаешь.

– Конечно, я тебя хорошо знаю, – согласилась Келли, крепче обнимая его руку. – Ну, – повернулась она к Сонни, – так ты его знаешь?

– Тома как там его? – сказал Сонни. Уронив руку в карман пиджака, он заметил, что Лука пристально следит за этим движением. – Да, я знаю одного парня из колледжа по имени Том.

– Передай ему, пусть звякнет мне как-нибудь, – сказала Келли. – Передай, я хочу услышать его голос.

– Вот как? – сказал Лука. Он обвел взглядом ребят. – Ох уж эти дамочки, – многозначительно произнес он, словно делясь какой-то общеизвестной истиной о женщинах. Он повернулся к Келли: – Пошли, куколка. – И, обняв за талию, увел ее от столика.

Как только они отошли, Нико сказал Сонни:

– Черт побери, что все это значит?

– Да, Сонни, – подхватил Корк, – черт возьми, откуда она знает Тома?

Посмотрев в противоположный конец зала, Сонни увидел, что Лука смотрит на него.

– Давайте убираться отсюда ко всем чертям, – сказал он.

– Господи Иисусе, – пробормотал Корк, взглянув в сторону выхода. – Ты уходишь первым. Помни, мы тебя не знаем.

– Мы будем присматривать за Лукой, – добавил Анджело.

Сонни встал, широко улыбаясь, и Корк пожал ему руку, словно прощаясь со случайным знакомым.

– Я буду ждать вас в своей машине, – сказал Сонни.

Он медленно направился к гардеробу. Он не спешил, тянул время. Ему не хотелось, чтобы Лука решил, будто он обратился в бегство. Навстречу ему попала официантка в шляпке-«таблетке» и чулках-сетках с подносом сигарет, и Сонни, остановив ее, купил пачку «Кэмел».

– Вы должны попробовать «Лаки страйк», – сказала девушка, хлопая ресницами. – Они подсушены, – добавила она, кокетливо улыбаясь, – так лучше вкус и меньше дерет горло.

– Замечательно, – ответил Сонни, подыгрывая ей. – В таком случае, дай одну пачку, куколка.

– Возьмите сами, – сказала официантка, выпячивая грудь. – Они такие круглые, такие упругие, такие плотные.

Сонни бросил на поднос четвертак.

– Оставьте сдачу себе.

Подмигнув ему, девушка вальяжно удалилась. Сонни проводил ее взглядом. В противоположном конце зала Лука склонился над столом и о чем-то разговаривал с Келли. Вид у него был недовольный.

– Том, – беззвучно прошептал Сонни, – я тебя убью!

Взяв плащ и шляпу, он вышел на улицу.

Заведение Джуга располагалось на Сто двадцать шестой Западной улице, неподалеку от Ленокс-авеню. Остановившись у афиши, Сонни вскрыл пачку «Лаки страйк» и закурил. Афиша извещала о концерте Кэба Келлоуэя²¹ и его оркестра. Напевая себе под нос, Сонни

поднял воротник плаща, спасаясь от холодного ветра. У него за спиной открылась дверь клуба, выплескивая на улицу звуки музыки. Появился седой тип в черном пальто с меховым воротником, раскуривающий сигару.

– Что за шум? – спросил он.

Сонни кивнул, но ничего не ответил. Через некоторое время из клуба вышел тощий юнец в свитере, расшитом ромбами. Он выразительно посмотрел на «черное пальто», и они вместе направились прочь.

Сонни прошел следом за ними до своей машины. Сев за руль, он опустил стекло и потянулся, насколько это было возможно в тесноте салона. В голове у него немного шумело, но он протрезвел очень быстро, когда Келли спросила насчет Тома. Мысленно он снова увидел, как Келли раздвигает занавески и смотрит на улицу. Она стояла в окне меньше секунды, после чего у нее за спиной появился Том и задернул занавески, однако за эту секунду Сонни успел разглядеть все ее восхитительное тело, розово-белое, с локонами рыжих волос. Ее лицо было круглое, с алыми губами и изогнутыми бровями, – и даже на таком расстоянии, с противоположной стороны Одиннадцатой авеню, через стекло, Сонни различил на нем что-то сердитое.

Он подумал, насколько опасной может быть Келли О'Рурк. Сдвинув шляпу на затылок, почесал голову, ломая голову, какую игру она ведет, и у него не получилось ничего, кроме ревности. Келли захотелось пробудить в Луке ревность. Но при чем тут Том? И откуда она узнала, что он, Сонни, знаком с Томом? Раз уж об этом зашла речь, откуда она знает его? На этом Сонни застрял. Каждая женщина представляет собой головоломку, но Келли тут просто вне конкуренции. Если папа проведает об этом... Madon'! Сонни не хотелось бы оказаться на месте Тома. У папы есть планы в отношении всех своих детей. Том должен стать юристом и заняться политикой. Сонни предстоит стать столпом автомобильной промышленности. Майкл, Фредо и Конни были еще слишком маленькими, чтобы задумываться об их будущем, однако

²¹ Келлоуэй, Кейбл (1907–1994) – американский джазовый певец, руководитель оркестра.

всему придет свой черед. Все должны были стать тем, чем хотел видеть их папа, – все, кроме Сонни, который не собирался долго батрачить на Лео, и будь что будет. Надо будет придумать, как поговорить с отцом. Он уже знает, кем хочет стать и что у него хорошо получается. Прошло меньше года с тех пор, как он сколотил свою банду, а у него уже есть машина, новый гардероб, а в матрасе у него припрятаны несколько тысяч.

– Эй! – Постучав в стекло, Корк прыгнул на переднее сиденье рядом с Сонни.

– Minchia! – Сонни поправил шляпу, сползшую набок, когда он вздрогнул от неожиданности, застигнутый врасплох Корком.

Задние двери распахнулись, и в машину завалились братья Ромеро и Нико.

– Черт побери, что случилось? – спросил Нико.

Сонни развернулся, чтобы видеть тех, кто сидит сзади.

– Вы в это не поверите, – сказал он, после чего вкратце объяснил, что произошло между Томом и Келли.

– Господи! – воскликнул Винни. – Том трахнул эту красотку!

– Если Лука это узнает... – пробормотал Корк.

– Даже твой отец не сможет его защитить, – сказал Нико.

– Однако какую игру ведет Келли? – спросил Сонни у Корка. – Если она признается Луке, он и ее, вероятно, убьет.

– «Вероятно»? – сказал Анджело. – Да это же яснее ясного!

– Ну и? – спросил Сонни, глядя на Корка.

– Будь я проклят, если что-нибудь понимаю, – ответил тот и, откинувшись на спинку сиденья, сдвинул шляпу на глаза. – Получается какая-то задница. – Корк помолчал, и все в машине молчали вместе с ним, ожидая, когда он что-нибудь придумает. – Я сейчас слишком пьян, чтобы решать такие проблемы, – наконец сказал он. – Сонни, мальчик мой, сделай своему другу Корку одолжение и отвези его домой, хорошо?

– Отлично, господа...

Сонни выпрямился за рулевым колесом. У него мелькнула было мысль предупредить ребят не трепать языками насчет Тома и Келли; затем он решил, что в этом нет необходимости. Из троих самым большим болтуном был Нико – но и он почти ничего не рассказывал посторонним. В первую очередь именно поэтому Сонни и выбрал этих ребят. Близнецы говорили только друг с другом, да и то мало. У Корка, правда, язык был хорошо подвешен, но он не дурак, и ему можно верить.

– Я отвезу принцессу домой, – наконец сказал Сонни.

– На какое-то время мы заляжем на дно? – спросил Нико.

– Конечно, – подтвердил Сонни, – как делали всегда после дела. Нам некуда спешить.

Похлопав Сонни по плечу, Винни выскользнул из машины.

– До встречи, Корк, – сказал Анджело и последовал за братом.

Высунув ногу на подножку, Нико кивнул Корку и сказал Сонни:

– Отвези этого любителя «макаронников» и разных прочих итальяшек домой.

– Го-осподи, – пробормотал Корк, – давайте уж сделаем передышку!

Сонни выехал на Сто двадцать шестую улицу.

– Проклятие, – сказал он, – завтра мне на работу.

Привалившись к двери, Корк бросил шляпу на сиденье рядом с собой. Он был похож на ребенка, заснувшего в дороге; примятые волосы сохранили форму шляпы.

– Ты видел сиськи той девчонки из гардероба? – спросил он. – Мне хотелось нырнуть в них и плавать до тех пор, пока я не утону.

– Ну вот, начинается.

Корк швырнул в Сонни свою шляпу.

– В чем дело? – возмутился он. – Сам знаешь, не на всех нас дамочки вешаются сами. Кое-кому приходится полагаться на силу воображения.

Сонни вернул шляпу Корку.

– На меня дамочки сами не вешаются.

– Черта с два! – сказал Корк. – Скольких ты трахнул на этой неделе? Ну же, Сонни. Можешь открыть правду своему другу Корку! – Сонни молчал, и Корк сказал: – А что насчет той девки за соседним столиком? Боже, задница у нее была размером с автобус!

Не выдержав, Сонни рассмеялся. Ему не хотелось, чтобы Корк начал распространяться о женщинах.

– Куда ты меня везешь? – спросил Корк.

– Домой. Куда ты и просил.

– Не-ет. – Корк подбросил шляпу вверх и попытался поймать ее на голову. Промахнувшись, поднял ее и повторил снова. – Я не хочу возвращаться к себе. Я уже неделю не мыл долбанную посуду. Отвези меня к Эйлин.

– Корк, времени уже час ночи. Ты разбудишь Кейтлин.

– Кейтлин спит как убитая. Так что разбужу я одну Эйлин, а она ничего не будет иметь против. Эйлин любит своего младшего братишку.

– Конечно, – сказал Сонни, – потому что, кроме тебя, у нее никого не осталось.

– Что ты говоришь? У нее есть Кейтлин и еще около пятисот Коркоранов, разбросанных по всему городу, которые приходятся ей близкой или дальней родней.

– Как скажешь. – Остановившись на светофоре, Сонни подался вперед на рулевое колесо, чтобы хорошенько рассмотреть перекресток, и тронулся вперед, не дожидаясь зеленого света.

– Молодец! – одобрительно заметил Корк. – Пусть все нас уважают!

– Эйлин всегда повторяет, что, кроме тебя, у нее никого не осталось, – сказал Сонни.

– Как у любой ирландки, у нее тяга к мелодраме, – сказал Корк. Подумав над своими словами, он добавил: – Сонни, а ты никогда не задумывался над тем, что кого-нибудь из нас могут убить? Ну, на деле?

– Нет, – сказал Сонни. – Мы все пуленепробиваемые.

– Конечно. Но ты все-таки задумывался?

Сонни не беспокоился о том, что кого-нибудь из них убьют, его или одного из ребят. Он планировал каждое дело так, что если каждый выполнял свою задачу – а это неизменно бывало так, – никаких неприятностей не должно было возникнуть. Посмотрев на Корка, Сонни сказал:

– Гораздо больше меня тревожит мой папа. До меня доходят кое-какие слухи, и, я так понимаю, у него большие нелады с Марипозой.

– Нет, – не раздумывая, ответил Корк. – Твой отец слишком хитер, и его защищает целая армия, черт побери. Насколько я слышал, шайка Марипозы – это лишь сброд недоумков, пытающихся поношать дверную ручку.

– Кто тебе сказал такую чушь?

– У меня есть воображение! – крикнул Корк. – Помнишь пятый класс? Миссис Хэнли? Лицо как гнилой кочан? Она любила хватать меня за ухо и приговаривать: «Какое же у тебя воображение, Бобби Коркоран!».

Сонни остановился у булочной Эйлин Коркоран. Подняв взгляд на расположенную над магазином квартиру, он увидел, что все окна, как он и ожидал, темные. Машина стояла на пересечении Сорок третьей улицы и Одиннадцатой авеню, прямо под фонарем. Рядом с булочной кованая чугунная решетка охраняла двухэтажное жилое здание из красного кирпича. Ограда заросла сорняком, а маленький дворик перед крыльцом был завален мусором. Окна и фронтон здания были отделаны гранитом, что, вероятно, когда-то придавало ему нарядный, праздничный вид, однако гранит давно потускнел, потрескался и покрылся слоем грязи. Похоже, Корк

не торопился выходить из машины, и Сонни не имел ничего против того, чтобы посидеть в тишине.

Наконец Корк нарушил молчание.

– Ты слышал, что отец Нико вылетел с работы? Если бы не Нико, всей семье пришлось бы стоять в очереди за бесплатной похлебкой.

– Как Нико объясняет, откуда у него деньги?

– Никто у него не спрашивает, – сказал Корк. – Послушай, я все хотел тебе сказать: Хук не хочет, чтобы мы и дальше грабили Марипозу, а если мы будем продолжать, то больше не сможем использовать Луку в качестве посредника.

– Это еще почему?

– Слишком опасно. Мы сидим у Марипозы занозой в заднице. – Посмотрев на улицу, Корк снова повернулся к Сонни. – Нам нужно заняться чем-то другим: разбоем, похищением или еще чем-нибудь.

– О похищениях забудь, – сказал Сонни. – Ты что, спятил? – Не дождавшись ответа Корка, он добавил: – Дай мне пораскинуть мозгами. Я обязательно придумаю, что делать дальше.

– Хорошо, – сказал Корк. – Но не тяни слишком долго. Со мной-то все в порядке, но у Ромеро вся семья окажется на улице, если близнецы перестанут приносить домой бабки.

– Господи, – пробормотал Сонни, – у нас что, Администрация общественных работ²²?

– Можно сказать, мы выполняем Закон о восстановлении национальной промышленности²³, – усмехнулся Корк.

Сонни посмотрел на него, и оба прыснули.

– Мы – это и есть «Новый курс», – давась от смеха, сказал Сонни.

Корк надвинул шляпу на глаза.

– Господи, как же я пьян, – сказал он.

Вздохнув, Сонни сказал:

– Мне нужно будет поговорить с отцом. Эта необходимость каждое утро таскаться на работу меня убивает.

– И ты ему признаешься, – произнес Корк сквозь шляпу, сползшую на лицо, – что хочешь стать гангстером?

– Я гангстер, – сказал Сонни, – как и он. Единственная разница в том, что отец пытается делать вид, будто он законопослушный бизнесмен.

– Он законопослушный бизнесмен, – сказал Корк. – Он руководит компанией «Дженко пура», торгующей оливковым маслом.

– Совершенно верно, – согласился Сонни, – и все бакалейные лавки в городе предпочитают закупать «Дженко пура», если не желают страховать свое имущество от пожара.

– Ну хорошо, твой отец ведет свой бизнес жестко, – сказал Корк. Выпрямившись, он поправил шляпу на голове. – Но, приятель, разве без этого можно добиться успеха в бизнесе?

– Да, конечно, – сказал Сонни, – но законопослушные бизнесмены не занимаются игорными притонами, тотализатором, ростовщичеством, профсоюзами и всем прочим из папиного арсенала. Зачем ему притворяться, будто он не тот, кто есть на самом деле? – Откинувшись назад, он посмотрел на Корка так, словно действительно надеялся услышать от него ответ. – Все те, кто становится у отца на пути, умирают. Понимаешь, на мой взгляд, это делает его гангстером.

²² Администрация общественных работ – федеральное ведомство времен Великой депрессии, призванное снизить уровень безработицы за счет осуществления общественно значимых строительных проектов.

²³ Закон о восстановлении национальной промышленности – принят 15 июня 1933 года в рамках «Нового курса», системы мероприятий администрации президента Ф. Рузвельта, направленной на преодоление последствий Великой депрессии.

– По мне, разницы между ними никакой – что бизнесмены, что гангстеры, – сказал Корк. Он улыбнулся Сонни, и у него зажглись глаза. – Ты видел братьев Ромеро с «масленками»? – Он сделал вид, будто держит в руках пистолет-пулемет. – «Даю тебе последний шанс, Рико! Ты выйдешь сам или же ты предпочитаешь, чтобы тебя вынесли?»²⁴ – Корк изобразил, будто стреляет, после чего задергался на сиденье, налетая на дверь и на приборную панель.

Сонни со смехом вышел из машины.

– Пошли, – сказал он. – Через несколько часов мне уже нужно будет быть на работе.

Выбравшись на тротуар, Корк поднял голову и вдруг выругался.

– Проклятие! – пробормотал он, отшатнувшись к машине, и, качаясь на ногах, поспешил к дворику перед булочной, где его вырвало на траву.

В доме над булочной открылось окно, и Эйлин высунула голову.

– Ой, мать божья! – пробормотала она.

У нее были те же самые золотисто-соломенные волосы, как и у ее брата, обрамлявшие узкое лицо. В свете фонаря сверкнули ее черные глаза.

Сонни развел руками, показывая: «А я что могу поделать?».

– Корк попросил, чтобы я привез его сюда, – сказал он, стараясь говорить громко, но в то же время не перейти на крик.

– Тащи его наверх, – сказала Эйлин, закрывая окно.

– Со мной все в порядке. – Выпрямившись, Корк сделал глубокий вдох. – Мне лучше. – Он махнул рукой, отпуская Сонни. – Можешь уезжать. Я сам дойду.

– Точно?

– Точно, – заверил его Корк. Порывшись в кармане, он вытащил связку ключей. – Уезжай, – повторил он, снова махнув рукой.

Сонни проследил взглядом, как его друг сначала мучительно выбирает из связки нужный ключ, затем пытается вставить его в замочную скважину.

– Cazzo! – пробормотал он. – Сколько же ты выпил?

– Дружище, ты лучше просто открой дверь, хорошо? Все будет в порядке, как только разрешится проклятая тайна этой двери.

Взяв у Корка ключи, Сонни отпер дверь.

– Дверь в квартиру Эйлин также будет заперта, – напомнил он.

– Ага, будет, точно, – подтвердил Корк, нарочно усиливая свой ирландский акцент, как ему нравилось время от времени делать.

– Пошли. – Обхватив Корка за пояс, Сонни повел его вверх по лестнице.

– А ты отличный друг, Сонни Корлеоне, – чересчур громко произнес Корк.

– Кончай это, хорошо? – остановил его Сонни. – Ты разбудишь весь дом.

Услышав, как ребята поднимаются по лестнице, Эйлин приоткрыла дверь в спальню дочери и заглянула внутрь. Кейтлин крепко спала, обнимая желто-коричневого плюшевого жирафа, которого она называла Бу – по причинам, не ведомым человечеству. Девочка привязалась к игрушке вскоре после смерти отца и вот уже несколько лет не расставалась с ней. Плюш уже вытерся, краски выцвели, игрушка теперь мало напоминала жирафа, – однако чем еще мог быть для ребенка этот мягкий комок желтой и коричневой ткани с длинной шеей?

Натянув одеяло дочери под подбородок, Эйлин расправила ей волосы.

Пройдя на кухню, она сполоснула кофейник и достала из буфета банку кофе. Услышав, как за спиной открылась дверь и на кухню вошел Сонни, буквально волоча Корка, Эйлин обернулась и сердито подбоченилась.

– Эй, вы, двое, вы только посмотрите на себя!

²⁴ Фраза из знаменитого гангстерского фильма «Малыш Чезаре» 1931 года, ставшая популярной.

– А, сестренка, – пробормотал Корк. Высвободившись из объятий Сонни, он выпрямился. – Я трезв как стеклышко. – Стащив с головы шляпу, он пригладил волосы.

– По твоему виду никак не скажешь, – проворчала Эйлин.

– Мы с ребятами погуляли, отметили одно событие, – сказал Корк.

Эйлин смерила Сонни ледяным взглядом и, повернувшись к брату, сказала:

– Видишь вот это? – Она указала на газету на столе. – Специально оставила для вас. Для вас обоих, – добавила она, выразительно посмотрев на Сонни.

Осторожно приблизившись к столу, Корк склонился над газетой и, прищурившись, уставился на фотографию одетого с иголки молодого мужчины, который лежал распростертый на улице, разбрызгав мозги по асфальту. Рядом валялась новенькая соломенная шляпа.

– А, это же «Миррор», – пробормотал Корк. – Вечно они гоняются за сенсациями!

– Конечно, – сказала Эйлин. – И к вам это не имеет никакого отношения, да?

– А, сестричка, – сказал Корк, переворачивая газету.

– И я не пролью по тебе ни одной слезинки, Бобби Коркоран!

– Пожалуй, мне пора идти, – сказал Сонни. Он стоял в дверях, держа в руках шляпу.

Эйлин посмотрела на него, и ее жесткий взгляд несколько смягчился.

– Я приготовлю кофе, – сказала она, поворачиваясь спиной к ребятам и беря кофейник.

– Не-ет, – сказал Корк, – я пас. Мне не надо.

– Мне утром на работу, – сказал Сонни.

– Чудесно, – сказала Эйлин. – Тогда я приготовлю только на себя. Раз уж вы меня разбудили, я теперь все равно не засну до самого утра.

– А, сестренка, – сказал Корк, – я просто хотел увидеть Кейтлин и позавтракать с нею.

Отпустив стол, за который держался обеими руками, он шагнул к раковине и пошатнулся. Сонни успел подхватить его, не дав упасть на пол.

– Что ты делаешь! – воскликнула Эйлин. Она повернулась к Сонни. – Помоги отвести его в спальню, хорошо? Постель уже готова.

– Спасибо, сестренка, – пробормотал Корк. – Все в порядке, клянусь. – Он поправил шляпу, которая сползла набок, когда он едва не упал.

– Хорошо, – сказала Эйлин. – Тогда ступай немного поспи, Бобби. Утром я оставлю тебе завтрак.

– Отлично, – сказал Корк. – Спокойной ночи, Эйлин. – Он повернулся к Сонни: – Все в порядке. Можешь уезжать. Поговорим завтра. – Осторожно шагнул к сестре, он поцеловал ее в щеку, на что Эйлин никак не отреагировала, и ушел в спальню, закрыв за собой дверь.

Услышав звук Корка, рухнувшего на кровать, Сонни подошел к Эйлин, стоявшей у раковины, и обнял ее.

Та отстранила его от себя.

– Ты с ума сошел! Брат в одной комнате, дочь в другой... Ты совсем спятил, Сонни Корлеоне?

– Я без ума от тебя, куколка, – прошептал Сонни.

– Тсс, – остановила его Эйлин, хотя оба говорили очень тихо. – Уходи, быстро! Возвращайся домой. – Она подтолкнула его к двери.

Выйдя в коридор, Сонни сказал:

– Значит, опять в среду?

– Конечно, – подтвердила Эйлин. Высунув голову в коридор, она осмотрелась по сторонам и чмокнула Сонни в губы. – А теперь уходи, и будь осторожен по дороге домой.

– До среды, – прошептал Сонни.

Эйлин проводила его взглядом, когда он сбегал вниз по лестнице. Держа шляпу в руке, Сонни перепрыгивал через две ступеньки. Высокий, широкоплечий, с густой копной восхитительных черных кудрей. На нижней площадке Сонни остановился и надел шляпу, натягивая

ее до самых глаз. Темно-синий фетр мелькнул в свете уличного фонаря, проникающего сквозь стекло с улицы. В это мгновение он был похож на кинозвезду: высокий, смуглый, красивый и таинственный. А вот не похож он был на семнадцатилетнего подростка, друга ее брата еще с тех времен, когда оба ходили в коротких штанишках.

– О господи, – прошептала Эйлин, когда Сонни скрылся на улице. Она повторила это снова, еще раз, уже в прихожей, затем добавила: – Господи Иисусе, – после чего закрыла дверь и заперла замок.

Глава 5

Келли в который раз постучала по нижней обвязке оконного переплета круглым молотком, пытаясь взломать засохшую краску, наглухо запечатавшую окно. Отчаявшись, она положила молоток на пол, уперлась обеими руками в раму рядом с запором и надавила что есть силы. Окно не поддалось. Выругавшись в сердцах, Келли плюхнулась на деревянный стул и обдумала варианты дальнейших действий. Оконные стекла дребезжали от ветра. Сильные порывы гнули и раскачивали деревья во дворе. Келли была дома у Луки Брази на Вест-Шорроуд, на окраине Грейт-Нек на Лонг-Айленде. Это место ничем не напоминало тесную квартиру в нью-йоркских трущобах, где она выросла, младший ребенок в семье, единственная девочка в окружении трех братьев; и тем не менее оно воскресило воспоминания о жизни в той квартире, когда ей приходилось обслуживать братьев и родителей, словно она была рождена рабыней, и все только потому, что она была девочкой. Все в той квартире было старым, убогим, благодаря жалкому отцу Келли, который мочился всюду, где валился с ног, оставляя зловоние, а мать была немногим лучше; они оба были под стать друг другу. В таком месте ни на что хорошее девочка рассчитывать не могла. И что она получала в награду за то, что готовила на всех завтрак, обед и ужин? Затрещину от матери и грубое слово от всех мужчин, кроме Шона, который был большим ребенком. Все решили, что навсегда избавились от Келли, когда она связалась с Лукой – после того как ее вышвырнули из дома, словно мусор, – однако на самом деле это она избавилась от них, от всех разом. Перед ней открылась жизнь, о которой прежде она не смела и мечтать. С ее внешностью запросто можно было попасть в кино. Все так говорили. Надо было только выбраться из вонючих трущоб, и тут ей мог помочь Лука, потому что не было никого круче Луки Брази, – и вот теперь она должна была родить от него ребенка, хотя сам он по-прежнему этого не знал. Лука может добиться успеха в жизни, и она разделит с ним этот успех, вот только порой он просто бесил ее тем, что у него не было никакого честолюбия. Взять к примеру хотя бы этот дом, буквально разваливающийся прямо на глазах. Келли это просто бесило.

Этот сельский дом был по-настоящему древним. Построен он был еще в середине прошлого столетия. Все до одного помещения были просторные, с высокими потолками и большими окнами, а стекла пошли волнами, словно расплавившись от времени. Всякий раз, бывая здесь, Келли забывала о том, что до города отсюда меньше получаса езды на машине. Казалось, это был совершенно другой мир, с подступающими со всех сторон лесами, грунтовыми дорогами и пустынной полоской берега, выходящего на залив Литтл-Нек. Келли любила прогуливаться к океану, а возвращаясь назад, она бродила по дому, мысленно представляя себе, каким он мог бы стать, если бы приложить чуточку внимания и трудов. Ведущую к дому дорожку, засыпанную щебнем, можно вымостить плиткой. Вздувшуюся и облупившуюся краску можно счистить, и свежий слой, пожалуй, светло-голубой краски превратит унылые наружные стены в нечто веселое и жизнерадостное. Изнутри дом также отчаянно нуждался в покраске, полы придется циклевать, – но если хорошенько поработать, из него можно будет сделать просто конфетку, и Келли подолгу стояла перед главным крыльцом, воображая, каким все могло бы быть.

Однако в настоящий момент ей хотелось лишь открыть окно и впустить внутрь свежий воздух. В подвале натужно ворчала и стонала древняя котельная на угле, производя тепло. Отопительные батареи шипели и булькали, и когда котельная только начинала работать, весь дом содрогался от усилий согреться. Келли никак не удавалось поддерживать желаемую температуру. В комнатах царил или душливый зной, или леденящий холод, и сегодня утром это был душливый зной – даже несмотря на то, что на улице было ветрено и сыро. Плотно запахнув ворот халата, Келли направилась на кухню, где нашла в раковине большой разделочный нож. Ей пришла в голову мысль попробовать разрезать слой краски, чтобы освободить окно.

У нее за спиной на лестнице появился Лука, спустившийся из спальни босиком, с обнаженным торсом, в одних полосатых пижамных брюках. Его волосы, черные и короткие, были прижаты с правой стороны, где на них давила подушка. Кожа на щеке до самого виска была в заспанных складках.

– Какой у тебя смешной вид, Лука, – улыбнулась Келли.

Лука плюхнулся на табурет.

– Это еще что был за грохот, черт побери? – спросил он. – Я решил, кто-то пытается выломать дверь.

– Это была я, – сказала Келли. – Хочешь, я приготовлю тебе завтрак?

Обхватив голову руками, Лука принялся растирать виски.

– Что там у нас есть? – спросил он, глядя на стол.

Келли открыла холодильник.

– Есть яйца и немного ветчины, – сказала она. – Могу пожарить яичницу.

Лука кивнул.

– Что это был за шум? – снова спросил он.

– Я пыталась открыть окно. В доме парилка. В такой жаре я не могла спать. Вот почему я встала.

– Кстати, а который сейчас час?

– Около десяти, – сказала Келли.

– Боже милосердный, – пробормотал Лука. – Терпеть не могу вставать раньше полудня.

– Я тебя понимаю, – согласилась Келли, – но здесь самая настоящая баня.

Лука смерил ее взглядом.

– Кофе мне сварить? – наконец спросил он.

– Да, конечно, дорогой. – Открыв шкафчик над раковиной, Келли достала пакетик с кофе.

– А почему ты просто не открыла окно в спальне? – спросил Лука. – Оно открывается запросто.

– Потому что тогда мы оказались бы прямо на сквозняке. Я подумала, что если открыть окно здесь, это поможет проветрить весь дом.

Лука оглянулся в соседнюю пустую комнату, где перед окном стоял деревянный табурет, а на полу рядом лежал молоток. Пройдя в комнату, он пару раз хлопнул пястью по оконной раме, повозился с ней немного, после чего она взлетела вверх до самого конца, и ворвавшийся холодный воздух дошел до кухни. Лука опустил окно, оставив щель в дюйм шириной. Когда он вернулся на кухню, Келли встретила его улыбкой.

– В чем дело?

– Да так, – сказала она. – Просто ты такой сильный, только и всего.

– Ага, – усмехнулся Лука.

В ярком свете, проникающем в окно кухни, рыжие волосы Келли горели огнем. Под халатом на ней ничего не было надето, и в вырезе махровой ткани, ниспадающей с плеч, виднелась ложбинка между грудями.

– А ты хорошенькая соблазнительная девчонка.

Просияв, Келли кокетливо улыбнулась, затем разбила на сковородку два яйца и взбила их куском ветчины, как любил Лука. Когда яичница была готова, она выложила ее на тарелку и поставила перед ним, вместе со стаканом свежего апельсинового сока.

– А ты ничего не будешь? – спросил Лука.

– Я не хочу есть, – сказала Келли.

Насыпав в турку кофе и налив воды, она зажгла газ и стала ждать, когда кофе сварится.

– Ты мало ешь, – заметил Лука. – Если ты и дальше будешь есть так мало, то станешь тощей.

– Лука, – начала Келли, – я тут подумала...

Повернувшись к нему лицом, она прислонилась спиной к плите.

– Угу, – пробормотал Лука, принимаясь за яичницу.

– Но ты просто послушай. – Выудив из кармана халата пачку «Честерфилд», Келли наклонилась к плите, прикуривая от зажженной конфорки. – Я вот подумала, – продолжала она, выпуская струйку дыма в окно. – Всем известно, что во всем городе круче тебя никого нет. Ты круче даже самого Марипозы, хотя он, конечно, очень большая фигура. По сути дела, он управляет всем городом.

Лука оторвался от еды. Похоже, слова Келли его развеселили.

– Что ты смыслишь во всем этом? – спросил он. – Ты что, совала свой нос куда не следует?

– Я много чего знаю, – сказала Келли. – Я всегда слушаю, что говорят вокруг.

– Да, и что с того?

– Так вот, Лука, я просто хочу сказать, что ты должен стать хозяином. Кто круче тебя?

Кофе закипел. Келли поспешно сняла турку с плиты, убрала газ, затем снова поставила турку на конфорку вариться еще несколько минут.

– Я и так хозяин, – сказал Лука. – Я делаю все так, как считаю нужным.

– Да, – согласилась Келли. Подойдя к Луке сзади, она принялась растирать ему плечи. – Конечно. Ты время от времени проворачиваешь какое-нибудь дело, тебе принадлежит несколько игорных заведений... Ты щиплешь кусочек тут и кусочек там, когда у тебя возникает желание.

– Совершенно верно, – подтвердил Лука.

– Понимаешь, Лука, я как раз и хочу сказать, что тебе нужно расширить свое дело. Пожалуй, ты единственный итальянец в Нью-Йорке, который все еще работает в одиночку. Все остальные твои соотечественники уже давно объединились. И по сравнению с тобой они зарабатывают целое состояние.

– И это тоже верно, – сказал Лука. Отодвинув тарелку, он накрыл рукой руку Келли, растирающую ему плечо. – Но только ты забываешь о том, куколка, что все эти ребята получают приказы. – Развернувшись на табурете, он обнял девушку за талию и поцеловал ее в живот. – Все эти ребята, – продолжал он, – даже этот придурок Марипоза, он тоже получает приказы. Если его дружок Аль Капоне скажет ему насрать в свою шляпу, он безропотно так и сделает. И все остальные, они также должны выполнять то, что им говорят. А вот я, – сказал он, отстраняя Келли от себя на расстояние вытянутой руки, – я делаю то, черт возьми, что пожелаю сам. И никто – ни Джузеппе Марипоза, ни Аль Капоне, никто из живущих на свете – не будет указывать мне, что делать.

– Да, – согласилась Келли, проводя пальцем по его волосам. – Но ты остаешься в стороне от по-настоящему больших денег, малыш. Ты отрезан от крутых бабок.

– И что с того? – спросил Лука. – Разве я не забочусь о тебе? Разве я не покупаю тебе красивые наряды и дорогие украшения, не плачу за твою квартиру, не даю тебе денег на карманные расходы? – Не дожидаясь ответа, он снова принялся за яичницу.

– А, ты просто великолепен, – сказала Келли, целуя его в плечо. – Ты это знаешь. Ты знаешь, что я тебя люблю, малыш.

– Я говорил тебе не называть меня малышом, – недовольно произнес Лука. – Ты же знаешь, мне это не нравится. – Отложив вилку, он усмехнулся. – Представляешь, кто-нибудь из моих ребят услышит, как ты называешь меня так?

– Ну конечно, – смутилась Келли. – Я начисто забыла, Лука.

Налив себе кофе в чашку, она уселась за стол напротив Луки, наблюдая за тем, как он ест. Потом взяла с холодильника пластмассовую пепельницу, загасила в ней окурочек и, забрав с собой на стол, поставила рядом с чашкой. Через минуту Келли снова встала, включила конфорку, чтобы прикурить новую сигарету, после чего опять села за стол.

– Лука, – сказала она, – помнишь, мы говорили о том, чтобы купить сюда кое-что из мебели? Честное слово, дорогой, спальня – пожалуй, единственная комната, которая более или менее обставлена. По сути дела, во всем доме есть только одна эта замечательная огромная кровать.

Доев яичницу, Лука посмотрел на Келли, но ничего не сказал.

– Мы могли бы очень мило обставить дом, – продолжала та мягко, но тем не менее настойчиво. – В каталоге «Сирса»²⁵ я видела замечательную гостиную. Нам бы такая подошла идеально. И, знаешь, – добавила она, махнув в сторону двери, – можно повесить на окна занавески...

– Мне это место нравится таким, какое оно есть, – остановил ее Лука. – Я тебе это уже говорил. – Достав из пачки Келли сигарету, он зажег ее деревянной спичкой, которой чиркнул о стену кухни. – Не начинай заново. Сделай хоть какую-нибудь передышку, Келли. Не успели мы толком проснуться, а ты уже начинаешь сначала.

– Ничего я не начинаю, – возразила Келли. Услышав в собственном голосе жалобные нотки, она разозлилась. – Ничего я не начинаю, – повторила она, уже громче. – Я только хочу тебе втолковать, Лука, что все меняется. Не бывает ничего постоянного.

– Неужели? – усмехнулся Лука, стряхивая пепел с сигареты. – К чему ты клонишь, куколочка?

Встав, Келли отошла от стола и прислонилась к плите.

– Лука, ты не хочешь здесь ничего делать, – сказала она, – потому что живешь в основном у своей матери. Там ты ночуешь гораздо чаще, чем здесь. И ешь там постоянно. По сути дела, ты по-прежнему продолжаешь жить с нею.

– А тебе до этого какое дело, Келли? – Лука потер себе переносицу. – Какое тебе дело до того, где я ночую и ем?

– Ну, так не может продолжаться и дальше.

– Это еще почему? – спросил Лука. – Почему так не может продолжаться и дальше?

Почувствовав, как у нее наворачиваются слезы, Келли повернулась к Луке спиной и отошла к окну, уставившись на дорожку, ведущую к дому от шоссе, обсаженного деревьями.

– Во всем доме есть только одна огромная кровать, – с горечью повторила она, глядя в окно.

Казалось, она разговаривает сама с собой. У нее за спиной послышалось, как Лука отодвигает табурет от стола.

– Временами мне кажется, что этот дом нужен тебе только как нора, где можно укрыться и отлежаться, а также потрахаться со своими шлюхами. Разве это не так, Лука?

– Ты сама все сказала. – Лука пододвинул пепельницу через стол. – Я отправляюсь обратно в постель. Надеюсь, когда я проснусь, настроение у тебя станет получше.

²⁵ «Сирс» – один из крупнейших и наиболее популярных каталогов торговли по почте, выпускался компанией «Сирс, Рубак и К°» с 1893 года.

– Настроение у меня и так отличное, – возразила Келли. Пройдя следом за Лукой, она проводила взглядом, как он поднимается по лестнице, и окликнула его снизу: – Кстати, а сколько у тебя шлюх? Мне просто любопытно, Лука. Просто любопытно, только и всего.

Лука не отвечал. Келли услышала, как под весом его тела зашкрякал и заворчал матрац. В подвале застонала котельная, оживая, и вскоре в батареях забулькало и зашипело. Поднявшись наверх, Келли остановилась в дверях спальни. Лука лежал на спине на кровати, подложив руки под голову. На туалетном столике стоял стакан с водой, рядом с черным телефоном: трубка, висящая над наборным диском на основании. Лука смотрел на улицу, где ветер трепал деревья и со свистом рвался в окно.

– Келли, не начинай все сначала, – сказал Лука. – Клянусь богом, еще слишком рано.

– Ничего я не начинаю, – упрямо произнесла Келли. Она скользнула взглядом по Луке, по его длинным мускулистым рукам, белым на фоне темного дерева изголовья кровати, по его ногам, укрытым простыней в противоположном конце матраца, упирающимся в другую спинку. – Я просто хочу знать, Лука, только и всего. Скольких еще шлюх ты приводишь сюда?

– Келли... – Лука закрыл глаза, словно желая на мгновение спрятаться. – Открыв их, он сказал: – Ты же знаешь, кукольное личико, что ты единственная, кого я сюда привожу. Ты прекрасно это знаешь.

– Все это так мило, – пробормотала Келли, сжимая ворот халата обеими руками. Она впелилась в махровую ткань, словно стремясь удержаться за нее. – В таком случае, где же ты сношаешь остальных своих шлюх, а? В каком-нибудь дешевом борделе?

Рассмеявшись, Лука надавил пальцами на глаза.

– Мне нравится заведение мадам Кристалл на Риверсайд-драйв, – сказал он. – Знаешь его?

– Откуда мне его знать? – выкрикнула Келли. – Что ты хочешь этим сказать?

Лука похлопал по кровати рядом с собой.

– Иди ко мне.

– Зачем?

– Я сказал, иди ко мне.

Келли оглянулась на лестницу и в окно внизу, за которым была видна дорожка, пустынное шоссе и деревья за ним.

– Не вынуждай меня повторять еще раз, – сказал Лука.

Вздыхнув, Келли сказала:

– Ради всего святого, Лука...

Забравшись на кровать, она уселась рядом, по-прежнему сжимая воротник халата.

– Я задам этот вопрос еще один раз, и мне нужен ответ, – сказал Лука. – Кто этот студент, о котором ты говорила у Джука?

– О, только не это, – отмахнулась Келли. – Я же тебе все объяснила. Так, никто. Просто парень.

Схватив Келли за волосы, Лука поднял ее вверх, словно марионетку, и развернул лицом к себе.

– Я тебя хорошо знаю, – сказал он, – и я чувствую, что это не все. И сейчас ты мне расскажешь правду.

– Лука, – сказала Келли, ухватившись за его руку и вставая. – Ты мой парень, Лука. Клянусь. Ты единственный.

Лука лишь еще крепче схватил ее за волосы и замахнулся второй рукой.

– Не надо, Лука! – взвизгнула Келли. – Пожалуйста! Я залетела, Лука. Я залетела, и это твой ребенок!

– Что? – спросил Лука, привлекая ее к себе.

– Я беременна, – прошептала Келли, наконец давая волю слезам, которые столько сдерживала. – Это твой ребенок, Лука.

Отпустив ее, Лука сбросил ноги с кровати и уселся неподвижно, уставившись на стену. Наконец он кивнул.

– Лука, – тихо произнесла Келли. Она прикоснулась ему к спине, и он резко отдернулся от нее. – Лука, – повторила она.

Сходив к шкафу, Брази вернулся, листая черную записную книжку. Найдя то, что искал, он присел на край кровати напротив Келли и сказал, указывая на телефон:

– Снимай трубку и звони вот по этому номеру.

– Зачем, Лука? Зачем я должна кому-то звонить?

– Ты избавишься от ребенка, – сказал Лука, положив записную книжку на кровать перед Келли. Он не сводил с нее глаз, ожидая, как она будет себя вести.

Келли отпрянула от записной книжки.

– Нет, – пробормотала она. – Я не могу, Лука. Мы оба отправимся в ад. Я не могу!

– Глупая девка, – усмехнулся Лука, – нам обоим все равно прямая дорога в ад. – Взяв со столика телефон, он бросил его на кровать рядом с Келли. Трубка слетела с рычажка, и Лука повесил ее обратно. Взяв телефон, он протянул его Келли. – Набирай номер.

Келли молча покачала головой, и Лука швырнул телефон ей в лицо.

Келли вскрикнула, не столько от боли, сколько от страха.

– Я ни за что на это не пойду! – заорала она, отодвигаясь вглубь кровати.

Лука поставил телефон назад на столик.

– Ты избавишься от ребенка, – невозмутимым тоном промолвил он.

– Нет! – взвизгнула Келли.

Поднявшись на колени, она бросилась на него.

– Вот как?

Запрыгнув на кровать, Лука ногой толкнул Келли на пол.

Забившись в угол, та крикнула:

– Я не избавлюсь от ребенка, Лука! Пошел ты к такой-то матери! Я ни за что на это не пойду!

Лука подхватил Келли, одной рукой под ноги, другой под плечи, не обращая внимания на то, что она отчаянно колотила его кулаками в грудь и по лицу; отнес ее к лестнице и швырнул вниз.

Скатившись до конца пролета, Келли извергла поток ругательств. Она ничего себе не разбила, лишь ударилась головой о балясину и разодрала оба колена, но ничего серьезного не произошло.

– Ты жалкий итальянский ублюдок, Лука! – крикнула Келли, лежа внизу лестницы.

Лука молча кивнул. Его лицо стало таким мрачным, что он казался совершенно другим человеком. В подвале снова взревела котельная, и весь дом содрогнулся.

– Ты хочешь знать об этом студенте? – крикнула Келли. Ее халат раскрылся, она поднялась на ноги, плотно запахнула полы и завязала пояс аккуратным узлом. – Это Том Хаген. Ты знаешь, кто он?

Лука молча смотрел на нее и ждал.

– Он сын Вито Корлеоне, – продолжала Келли, – и я отдалась ему, хотя и знала, что ношу твоего ребенка. Что ты скажешь на это, Лука?

Лука только кивнул.

– И что ты теперь сделаешь? – спросила Келли, делая шаг навстречу ему. – Ты ведь знаешь, кто такие Корлеоне, не так ли, Лука? Все вы, громилы-макаронники, знаете друг друга, верно? Так что же ты теперь будешь делать? Ты убьешь меня, пока я ношу в себе твоего ребенка? После чего убьешь малыша Вито Корлеоне? Ты пойдешь войной на всю семью?

– Он не сын Вито, – спокойно произнес Лука, – но я действительно его убью. – Он начал было спускаться по лестнице, но остановился. – Откуда ты вообще знаешь о Вито Корлеоне и его семье? – В его голосе прозвучало одно только любопытство, словно вся ярость внезапно испарилась.

Келли поднялась еще на одну ступеньку. Ее руки сжались в кулаки.

– Хукс все мне рассказал о семье Корлеоне, – сказала она, делая еще один шаг вверх. – И я сама тоже навела кое-какие справки.

У нее на щеке выступила кровь, и Келли ее смахнула. Она не знала, откуда кровь.

– Вот, значит, как? – сказал Лука, и внезапно его голос наполнился весельем. – Ты навела справки?

– Совершенно верно, Лука, – подтвердила Келли. – Я все разузнала о семье Корлеоне. И знаешь, что я выяснила? Она не настолько сильна, чтобы ты не мог ее завалить, Лука. Кто круче тебя? Ты мог бы запросто прибрать к рукам владения Корлеоне и зашибать миллионы.

– Возможно, этим все и кончится, – сказал Лука, – поскольку теперь ты вынуждаешь меня пришить одного из ребят Вито.

– А что насчет меня? – спросила Келли, и ее голос несколько смягчился, словно проникнутый страхом. – Меня ты тоже убьешь?

– Не-ет, – сказал Лука. – Тебя я не убью. – Он начал спускаться вниз, медленно и грузно, словно увлекаемый весом собственного тела. – Но я устрою тебе такую взбучку, какую ты не забудешь до конца дней своих.

– Давай, валяй! – выкрикнула ему в лицо Келли. – Какое мне до этого дело? Какое мне дело до чего бы то ни было?

Вскинув подбородок, она поднялась еще на одну ступеньку и стала ждать Луку, глядя ему в глаза.

Приподняв простыню, Эйлин заглянула под нее.

– Господи, Сонни, – пробормотала она, – да на этой штуковине нужно возвести храм!

Сонни поиграл с ее волосами, ниспадающими на обнаженные плечи. Ему нравилось ощущать пальцами их шелковистую нежность. В этот бурный осенний день они с Эйлин лежали в кровати. Лучи вечернего солнца проникали в щели решетчатых ставней окна, расположенного прямо над изголовьем, окрашивая спальню в алый цвет. Кейтлин была у бабушки, которая забирала ее по средам на весь день до самого ужина. Эйлин закрыла булочную на час раньше обычного.

– В школе ребята называли меня «Жезлом».

– Жезлом? Вот как?

– Ага, – подтвердил Сонни. – Знаешь, в раздевалке после урока физкультуры мы...

– Можешь не продолжать, я все поняла, – перебила его Эйлин. – Картина ясна.

Обхватив за талию, Сонни привлек ее к себе. Уткнувшись носом в ее волосы, он поцеловал ее в макушку.

Эйлин положила голову ему на грудь. Помолчав немного, она продолжила с того места, на котором остановилась.

– Честное слово, Сонни, надо его сфотографировать. Когда я расскажу о нем своим подругам, они сочтут меня самой последней лгуньей во всем Нью-Йорке.

– Прекрати, – остановил ее Сонни. – Мы оба прекрасно понимаем, что никому ты ничего не расскажешь.

– Верно, – согласилась Эйлин. – Но мне бы очень хотелось, – мечтательно добавила она. Сонни смахнул волосы с ее лица, чтобы видеть ее глаза.

– Неправда, – сказал он. – Ты обожаешь тайны.

Задумавшись над его словами, Эйлин сказала:

– Опять в самую точку. Пожалуй, я никому не признаюсь в том, что трахаюсь с лучшим другом своего младшего брата.

– Тебя так волнует твоя репутация? – спросил Сонни.

Устроившись поудобнее, Эйлин повернула голову так, чтобы щека прижалась к груди Сонни, а волна вьющихся волос рассыпалась от одной груди до другой крылом птицы. На туалетном столике лежала перевернутая лицом вниз фотография Джимми и Кейтлин. Эйлин всегда переворачивала ее, когда бывала с Сонни, – но это все равно не помогало. На обратной стороне черного картона было запечатлено мгновение, когда Джимми Гибсон подбросил свою дочь в воздух. Его руки вытянуты вверх, он поднял взгляд на радостное личико Кейтлин и ждет, когда она вернется в его объятия.

– Да, наверное, меня действительно волнует моя репутация, – призналась Эйлин. – Мало того, что тебе всего семнадцать, но ты к тому же еще и итальяшка.

– По-моему, ты ничего не имеешь против этого.

– Не имею, – подтвердила Эйлин, – однако далеко не все мои родственники такие же непредвзятые.

– Почему некоторые из вас, ирландцев, так ненавидят итальянцев?

– Вы, итальянцы, по-моему, тоже не очень-то жалуете ирландцев, разве не так?

– Тут дело другое, – возразил Сонни. Обняв Эйлин за талию, он привлек ее к себе. – Мы с вами враждуем, но при том не считаем вас никчемным сбродом. А кое-кто из ирландцев ведет себя так, будто итальянцы – просто грязь.

– О, – спросила Эйлин, – теперь мы начинаем говорить серьезно?

– Есть немного, – согласился Сонни.

Эйлин задумалась. Дверь в спальню была закрыта и заперта на замок, и на ней на верхнем крючке висели пиджак и шляпа Сонни. На нижнем крючке висела рабочая одежда самой Эйлин. Та устала висеть на простенькие блузку и юбку, и дальше, сквозь закрытую дверь на расположенную за ней кухню, и на стены здания из красного кирпича, откуда доносились глухие хлопки тупого предмета, ударяющего по чему-то мягкому, – это ее соседка миссис Фаллон выбивала ковер или матрац.

– Наверное, – наконец заговорила Эйлин, – для многих ирландцев вы не являетесь белыми, ведь так? К вам относятся как к цветным, как будто вы принадлежите к другой расе.

– Ты тоже так считаешь? – спросил Сонни. – Ты считаешь, что мы с тобой принадлежим к разным расам?

– Какое мне до всего этого дело? – сказала Эйлин. – Я сплю с тобой, разве не так? – Приподняв простыню, она снова заглянула под нее. – Но ты настоящий гигант, Сонни! Господи!

Опрокинув Эйлин на спину, Сонни навис над нею. Ему нравилось смотреть на белизну ее кожи, нежной и мягкой, с маленькой красноватой родинкой на бедре, которую, кроме него, не видел никто.

– О чем ты думаешь, Сонни Корлеоне? – снова заглянув под простыню, Эйлин добавила: – Можешь не отвечать. Я вижу, о чем ты думаешь.

Смахнув волосы с ее лица, Сонни поцеловал ее в губы.

– Нельзя, – остановила его Эйлин.

– Почему?

– Потому что это будет уже третий раз за сегодняшний вечер! – Эйлин положила ладони ему на грудь, останавливая его. – Я старая женщина, Сонни. Я так не могу.

– О, не надо, – сказал Сонни. снова поцеловав ее, он уткнулся носом в ложбинку между грудями.

– Я не могу! – взмолилась Эйлин. – Остановись! Я и так в течение нескольких дней буду ходить как обалдевшая. Это будет заметно! – Поскольку Сонни и не думал останавливаться, она вздохнула, поцеловала его один раз, мимолетно в щеку, и ловко выскользнула из-под него. – К

тому же уже слишком поздно. – Встав с кровати, Эйлин нашла в ящике комода комбинацию и накинула ее на плечи. – Сюда может заглянуть Корк, – добавила она, жестом показывая, чтобы Сонни тоже встал с кровати.

– Корк так рано никогда не заходит к тебе. – Взбив у себя под головой подушку, Сонни сложил руки на груди.

– Но он может зайти, – настаивала Эйлин, – и тогда у нас обоих будут большие неприятности.

– Ты думаешь, Корк ничего не подозревает?

– Разумеется, он ничего не подозревает! – воскликнула Эйлин. – Ты сошел с ума, Сонни? Бобби Коркоран ирландец, а я его святая сестра. Он уверен в том, что я совершенно не занимаюсь сексом. – Она пнула матрац. – Вставай и одевайся! Мне нужно принять душ и в шесть забрать Кейтлин. – Взглянула на часы, лежащие на комоде. – Матерь божья, уже половина шестого!

– А, ерунда, – небрежно бросил Сонни. Он встал, нашел свою одежду, сваленную грудой на полу рядом с кроватью, и начал одеваться. – Плохо, что ты такая старая женщина. – Застегнув ширинку, надел рубашку. – А то у меня могли бы возникнуть в отношении тебя серьезные намерения.

Эйлин сняла с крючка на двери пиджак и шляпу Сонни. Перебросив пиджак через руку, она протянула ему шляпу.

– У нас с тобой флирт, – сказала она, наблюдая за тем, как Сонни застегивает пуговицы на рубашке и затягивает ремень на брюках. – Корк ни о чем не знает, как, впрочем, не знает никто. Я старше тебя на десять лет, – добавила она, – и от этого никуда не деться.

Забрав у нее пиджак, Сонни надел его, а Эйлин тем временем натянула шляпу на его кудри.

– В воскресенье я ужинаю с одной хорошенькой девушкой, – сказал он. – Ей шестнадцать, и она итальянка.

– Просто замечательно, – сказала Эйлин, отступая от него на шаг. – Как ее зовут?

– Сандра. – Сонни положил руку на ручку двери, не отрывая взгляда от Эйлин.

– Что ж, не изувечь ее, Сонни Корлеоне. – Подбоченившись, Эйлин строго оглядела его. – Шестнадцать лет – это еще слишком мало для того, чем мы с тобой занимаемся.

– А чем мы с тобой занимаемся? – усмехнулся Сонни.

– Ты сам прекрасно знаешь, чем мы с тобой занимаемся, – отрезала Эйлин. Вытолкнув его из спальни на кухню, она прошла следом за ним к входной двери. – Мы просто приятно проводим время вместе, – сказала она, приподнимаясь на цыпочки и чмокая его в губы. – Просто приятно проводим время вместе и барахтаемся на сеновале, – добавила она, открывая дверь.

Сонни выглянул в коридор, убеждаясь в том, что они одни.

– До следующей среды?

– Разумеется, – сказала Эйлин. Подмигнув, она закрыла дверь и осталась стоять, держась обеими руками за ручку, слушая, как Сонни сбегает по лестнице. – Господи, – спохватилась она, вспомнив про время.

Поспешив в ванную, Эйлин встала под душ, пока еще не отключили воду.

Глава 6

Томазино Чинквемани почесал одной рукой ребра, а другой сгреб стаканчик виски. Было уже поздно, больше трех часов пополуночи, и Томазино сидел в отдельной кабинке напротив Джузеппе Марипозы, Эмилио Барзини и Тони Розато. Этторе, младший брат Эмилио, и Кармине, младший брат Тони, юноши лет двадцати, втиснулись рядом с Томазино. Фрэнки Пен-

танджели, мужчина сорока с небольшим лет, сидел верхом на стуле, положив руки на спинку. Они находились в «Ше Голливуд», одном из клубов Филиппа Таттальи на среднем Манхэттене. Заведение было огромным, просторная танцевальная площадка была окружена пальмами и папоротниками в кадках. Кабинки тянулись вдоль одной стены перпендикулярно сцене, на которой вполголоса переговаривались музыканты, собирающие свои инструменты. На певичке с завитыми щипцами светло-серебристыми волосами и темными глазами с поволокой было красное блестящее платье с вырезом, ныряющим до самого пупка. Джузеппе рассказывал анекдоты, время от времени умолкая и устремляя взгляд на девушку, которой, судя по виду, не было еще и двадцати.

Марипоза был одет, как всегда, щегольски: розовая сорочка с белым воротником и золотая булавка вместо галстука. Его белоснежные волосы, уложенные на прямой пробор, резко контрастировали с черными пиджаком и жилетом. Стройный, он в свои шестьдесят с небольшим выглядел значительно моложе. Томазино, пятидесятичетырехлетний косматый верзила, был похож на выряженную в костюм обезьяну. Рядом с ним Этторе и Кармине казались тощими юнцами.

Фрэнки Пентанджели склонился к столу. Лысеющий, круглолицый, с косматыми бровями и усами, полностью закрывающими верхнюю губу, он обладал голосом, напоминающим хруст щебня.

– Эй, Томазино, – сказал он, открывая рот и указывая на один из гнилых зубов, – кажется, у меня там душло.

Все сидящие за столом разразились хохотом.

– Хочешь, чтобы я тебе его вылечил? – спросил Томазино. – Только скажи, когда.

– Нет уж, спасибо, – ответил Фрэнки. – У меня есть свой хороший зубной врач.

Взяв стакан, Джузеппе указал на певичку.

– Как вы думаете, пригласить мне ее сейчас к себе на ночь? – спросил он, обращаясь ко всем.

Выкрутившись на стуле, Фрэнки посмотрел на девушку.

– Кажется, мне понадобится массаж, – продолжал Джузеппе, растирая плечо. – Что-то у меня ноет вот здесь, – добавил он, снова вызывая смех.

– Ее дружку это не понравится, – сказал Эмилио.

Одной рукой он поиграл со стаканчиком бурбона, который нянчил уже больше часа, а другой потянул воротник сорочки и поправил черный галстук-бабочку. Это был привлекательный мужчина с черными волосами, зачесанными со лба назад и уложенными в высокий валик.

– Который из них ее дружок? – спросил Джузеппе.

– Коротышка, – ответил Кармине Розато. – Тот, что с кларнетом.

– Фу... – Посмотрев на кларнетиста, Марипоза вдруг резко обернулся к Эмилио. – Ну, что будем делать с этим Корлеоне? – спросил он.

– Я отправил пару ребят переговорить с Клеменцей и... – начал Эмилио.

– И у нас все равно умыкнули еще одну партию виски. – Марипоза схватил свой стаканчик с таким видом, будто собрался в кого-нибудь им запустить.

– Корлеоне клянется, что не имеет к этому никакого отношения, – сказал Эмилио. Он отпил глоток бурбона, глядя поверх стакана на Марипозу.

– Это или Клеменца, или сам Вито, – сказал Джузеппе. – Один из них. Кто еще это может быть?

– Послушай, Джо, – сказал Фрэнки, – разве ты не слышал, что говорит наш *raisan*, который хочет стать мэром? Преступность в городе резко взлетела вверх.

Его слова вызвали смех Томазино.

Марипоза оглянулся на него, потом снова повернулся к Фрэнки. Он улыбнулся, затем рассмеялся.

– Фьорелло Лагуардия²⁶, – сказал он, – эта жирная неаполитанская свинья, пусть целует мою сицилийскую задницу. – Он отодвинул виски. – Как только я разберусь с Лаконти, я займусь этим сладкоречивым мерзавцем Корлеоне. – Помолчав, он обвел взглядом сидящих за столом. – Я позабочусь о Корлеоне и Клеменце сейчас, пока они еще не стали настолько большими, чтобы причинять мне серьезные неприятности. – Марипоза часто заморгал, что случилось с ним, когда он нервничал или злился. – Они скупают полицейских и судей, словно на рождественской распродаже. Похоже, они высоко метят. – Он покачал головой. – Но их планам не суждено будет сбыться.

Этторе Барзини вопросительно взглянул на сидящего напротив старшего брата. Эмилио кивнул, едва заметно, как это делают только близкие люди.

– Джо, быть может, это нас грабит Тессио, – предположил Этторе.

– Я займусь Тессио, – сказал Марипоза.

Сидящий рядом с Эмилио Тони Розато кашлянул. Он молчал почти весь вечер, и сейчас все повернулись к нему. Это был громила атлетического телосложения с короткими черными волосами и голубыми глазами.

– Прошу прощения, дон Марипоза, – сказал Тони, – но я никак не могу понять, почему мы не заставим этого шпанюка Брази выложить все, что ему известно?

Фрэнки Пентанджели презрительно фыркнул, а Марипоза поспешно ответил:

– У меня нет желания связываться с Лукой Брази. Я слышал, как он получал пулю и преспокойно уходил прочь. – Допив виски, он почувствовал, что веки у него снова начинают дрожать. – Я не хочу иметь с ним никаких дел.

Говоря это, Джузеппе повысил голос, привлекая внимание музыкантов. Те умолкли и обернулись на него, затем, спохватившись, переглянулись между собой и продолжили свой разговор.

Расстегнув воротник сорочки, Томазино ослабил узел галстука и почесал шею.

– Я знаю, где можно найти Луку Брази, – начал он. Остановившись, вдруг схватился рукой за грудь, словно сердце причинило ему боль. – Agita, – объяснил Томазино остальным, следившим за ним. – Я знаю кое-кого из тех, кто работал на него, – продолжал он. – Если хотите, я с ним переговорю.

Марипоза молча посмотрел на него, затем повернулся к Эмилио и Тони.

– Корлеоне и Клеменца – и Дженко Аббондандо. Я разберусь с ними сейчас, пока сделать это еще достаточно просто. Существенную часть своих доходов они получают не от торговли «бухлом» – и после отмены «сухого закона» это создаст серьезные проблемы. – Он снова покачал головой, показывая, что так быть не должно. – Я хочу прибрать к рукам все их дела, в том числе торговлю оливковым маслом Вито. Как только закончится эта дрянь с Лаконти, настанет их черед. – Он повернулся к Фрэнки Пентанджели: – Ты знаешь Вито. Ты ведь начинал у него, разве не так?

Закрыв глаза, Фрэнки чуть повернул голову вбок, уклончиво признавая знакомство с Вито.

– Да, я знаю его, – подтвердил он.

– И что, у тебя с этим какие-то проблемы?

– Вито – самоуверенный ублюдок. Он смотрит на всех нас свысока, как будто уверен в том, что лучше нас. Этот глупый сукин сын считает себя кем-то вроде итальянского Вандербилта²⁷. – Фрэнки помешал пальцем виски в стакане. – Мне он никак не помог.

²⁶ Лагуардия, Флорелло Генри (1882–1947) – видный американский политический деятель, потомок уроженцев Неаполя. В 1935–1945 годах мэр Нью-Йорка, активно боролся с коррупцией и засильем бюрократии.

²⁷ Вандербилт, Корнелиус (1794–1877) – американский бизнесмен, основатель династии Вандербилтов.

– Отлично! – Марипоза хлопнул руками по столу, закрывая тему. Он повернулся к Томазино: – Навести этого мерзавца Луку Брази, – сказал он, – но захвати с собой парочку ребят. Мне не нравится то, что я слышал об этом bastardo.

Оттянув воротник сорочки, Томазино засунул руку, чтобы поправить бретельку майки.

– Я позабочусь об этом, – сказал он.

Джузеппе указал на Кармине и Этторе.

– Видите? Вам есть чему поучиться, мальчишки. – Он снова наполнил свой стакан канадским виски. – Эмилио, сделай мне одно одолжение. Потолкуй немного с этим маленьким кларнетистом. – Он указал на сцену. – А ты, Кармине, приведи сюда эту шлюху. Ну а вы, ребята, найдите себе, чем заняться, – добавил он, обращаясь к остальным.

Пока все расходились, Джузеппе потягивал виски, наблюдая за тем, как кларнетист скрылся за дверью вместе с Эмилио. Кармине что-то сказал певичке в красном блестящем платье, и та обернулась, ища взглядом своего ухажера, но не находя его. Кармине сказал ей еще несколько слов. Девушка повернулась к столику, и Джузеппе приветственно поднял стакан и улыбнулся. Кармине положил ей руку на спину и повел через зал.

Донни О’Рурк ждал под зеленой аркой заведения Пэдди, когда внезапный ливень выплеснулся на тротуар, пуская ручеек дождевой воды, который побежал вдоль бордюрного камня, срываясь водопадом в сточную канаву, быстро забившуюся обрывками газет и прочим мусором. Сняв котелок, Донни стряхнул с него капли дождя. На противоположной стороне улицы в дверях дома болтали две пожилых женщины с бумажными сумками с продуктами, а позади вверх и вниз по лестнице бегал ребенок. Одна из женщин быстро оглянулась на него и тотчас же опять отвернулась. Солнце, сиявшее всего несколько минут назад, снова собиралось торжественно возвратиться, как только грозовые тучи пронесутся прочь. Увидев своего младшего брата, который появился из-за угла под черным зонтиком и рысцой устремился к нему, Донни подбоченился и недовольно посмотрел на него.

– Да ты опоздаешь на собственные похороны, – проворчал он, когда брат нырнул под арку, укрываясь от дождя.

Уилли О’Рурк закрыл зонт и стряхнул с него воду. Он был на целый дюйм ниже ростом своего брата, тощий и хрупкий, в то время как Донни был плотным и крепким. В детстве Уилли много болел, и только сейчас, к тридцати годам, его здоровье относительно улучшилось, хотя он по-прежнему подхватывал любую заразу, какая только появлялась в воздухе. Донни был на семь лет старше его, не столько брат, сколько отец – и ему, и их самому младшему брату Шону, которому сейчас было лишь чуть больше двадцати. Родители, беспробудные пьяницы, превращали жизнь своих детей в один сплошной кошмар до тех пор, пока Донни, когда ему исполнилось пятнадцать, не положил конец постоянным побоям и издевательствам, устроив своему отцу такую взбучку, что тот на целых две недели загремел на больничную койку. После этого вопрос о том, кто в доме главный, больше уже не вставал. Ни Шон, ни Келли, младший ребенок в семье, больше уже не ложились спать голодными и с синяками, что для Донни и Уилли было обычным делом.

– Мне пришлось вернуться за зонтиком, ведь так? – обиженно ответил Уилли. – Ты же сам знаешь, как легко я могу простудиться. – Закрыв зонт, он повесил его на руку.

У них за спиной появился Шон, вышедший из заведения Пэдди с широкой улыбкой на лице. Этот парень улыбался всегда. Из троих братьев он единственный обладал привлекательной внешностью, унаследованной от матери.

– Тебе лучше зайти внутрь, – сказал Шон, обращаясь к Донни. – Рик Доннелли и Корр Гибсон собираются вцепиться друг другу в горло из-за чего-то такого, что произошло двадцать лет назад. Господи, – добавил он, – если ты сейчас же не вмешаешься, там начнется стрельба.

– Уже идем, – сказал Донни. – А ты угости всех по кругу.

– Конечно, – согласился Шон, – именно это и нужно всем – еще по кружке пива. – Он скрылся в баре.

Братья О’Рурк были завзятыми трезвенниками. Донни и Уилли капли в рот не брали, Шон изредка выпивал стаканчик, но и только. Однако Келли унаследовала тягу своих родителей к спиртному, и Донни с братьями так ничего и не смогли с этим сделать. Став к шестнадцати годам признанной красавицей, Келли перестала слушать кого бы то ни было.

– Говорить буду я, – сказал Донни.

– А разве когда-нибудь бывало по-другому?

– Ты со стволом?

– А то как же, – сказал Уилли, трогая револьвер, спрятанный под пиджаком. – Думаешь, понадобится оружие?

– Не-ет, – сказал Донни. – Просто на всякий случай.

– Я по-прежнему считаю, что ты спятил. Ты просто упорно добиваешься того, чтобы нас всех пристукнули, вот что я скажу.

– Мне нет никакого дела до того, что ты думаешь, – усмехнулся Донни.

Войдя к Пэдди, Донни первым делом опустил плотные зеленые шторы на окна и запер входную дверь. Уилли прошел к стойке. Рик Доннелли и Корр Гибсон смеялись и хлопали друг дружку по спине. Они чокнулись пивными кружками, расплескивая пену, и осушили их несколькими глотками, под дружный смех присутствующих. Их спор, каким бы ни была его причина, был благополучно улажен, к всеобщему облегчению, и в первую очередь радовался брат Рика Билли, сидевший за стойкой. Рик, лет сорока с небольшим, был на несколько лет старше Билли, однако они были так похожи друг на друга, что легко могли сойти за близнецов. Достав руку из-за пазухи пиджака, Билли взял кружку и отхлебнул глоток пива. Пит Мюррей и Малыш Стиви Дуайер сидели за стойкой лицом к зеркалам и полкам, заставленным бутылками. Корр Гибсон, закончив спор с Риком Доннелли, присоединился к ним и подсел к Мюррею. Питу было под пятьдесят, и его считали стариком. Всю свою жизнь проработавший портовым грузчиком, он обладал здоровенными ручищами, похожими на орудийные стволы. По сравнению с ним сидевший рядом Малыш Стиви Дуайер казался мальчиком из церковного хора. Корр Гибсон, в щегольском костюме с короткими гетрами, с черной лакированной дубинкой, которую он держал за конец, словно трость, лучше всех играл роль ирландского гангстера.

– Ребята! – воскликнул Донни, проходя к стойке. Проходя мимо Билли Доннелли, он хлопнул его по плечу. Оказавшись у стойки, Донни повернулся к остальным и, молитвенно сложив руки, торжественно произнес: – Мы собрались сегодня...

Услышав ожидаемый взрыв хохота, он взял кружку пива.

– Отец О’Рурк, – сказал Корр Гибсон, постучав дубинкой по стойке. – Ты прочитаешь нам проповедь, святой отец?

– Никаких проповедей, – объявил Донни, отпивая маленький глоток пива. Все знали, что он не пьет, но все оценили этот товарищеский жест, проявившийся в том, что он взял кружку и сделал вид, будто пьет вместе со всеми. – Послушайте, ребята, – продолжал Донни, – я не просил вас тратить свое драгоценное время и навещать меня здесь, у Пэдди, потому что мне нужны от вас деньги, и вы должны это знать.

– В таком случае, что мы здесь делаем? – спросил Корр. – Только не говори, Донни, что ты сейчас борешься за пост городского олдермена.

– Нет, – усмехнулся Донни, – я не борюсь ни за какой пост, Корр, и разве не это самое главное, а?

Он обвел взглядом лица собравшихся. Все молчали, ожидая, что он скажет дальше. К шелесту вентиляторов над головой примешивался шум дождя на улице.

– Разве это не самое главное? – повторил Донни, смакуя эту фразу. – Я здесь, потому что мне надоело бороться, и я хочу посвятить всех вас, моих уважаемых коллег, в свои планы.

Я уже говорил с Питом Мюрреем и братьями ДонNELли, и я перебросился парой-тройкой словечек с остальными. – Он обвел кружкой сидящих за стойкой. – Всем вам известно, что я думаю, – продолжал он, повышая голос. – Пришло время показать этим макаронникам, которые потихоньку прибирают к рукам наши дела, оставляя нам только ту грязную работу, которой не желают заниматься сами. Пришла пора показать подлым италяшкам, что почем, и заставить убраться восвояси, в свои кварталы.

Все молчали, уставившись в кружки с пивом или на Донни.

– Послушайте, – продолжал Донни, начисто теряя мастерство оратора. – Мы позволили Луке Брази, Питу Клеменце и остальным макаронникам прийти в наш район и забрать игорный бизнес, девочек, «бухло» – всё. Они сделали это, разбив кое-кому головы и отправив несколько человек в сырую землю, в том числе Терри О'Баньона и Диггера Маклина. А остальные это проглотили. Мы не хотели кровавой бойни и рассудили, что все равно сможем неплохо зарабатывать на жизнь, но я вам говорю, что италяшки не удовлетворятся до тех пор, пока не приберут к своим рукам все дела в этом долбанном городе. И я вот что хочу вам сказать: для того чтобы сохранить свою долю, мы должны выйти из кустов и показать макаронникам, что мы готовы драться. – Донни остановился. Все молчали. – Мы с братьями собираемся разобраться с Лукой Брази и его ребятами, – снова заговорил он. – Мы уже знаем, как нам быть, – закончил он, ставя кружку с пивом на стойку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.